

The illustration depicts a man and a woman in a library. The man, on the left, has dark hair and glasses, and is wearing a blue suit jacket over a blue shirt and a dark tie. He is looking down with a somber expression. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a blue, long-sleeved dress with a white sash. She has her hand on the man's shoulder, looking at him with a concerned expression. The background shows bookshelves filled with books and red curtains. In the bottom left corner, there are several overlapping golden rings.

16+

Г жалости
да любви

Дарья Ратникова

Дарья Ратникова
От жалости до любви

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ратникова Д.

От жалости до любви / Д. Ратникова — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

ISBN 978-5-532-08013-3

Юная и прекрасная Кея Гарстон, дочь правящего лорда, с детства влюблена в сына мясника. Но такой мезальянс невозможен, пока девушка под опекой дяди. И тогда она решается на отчаянный шаг - выйти замуж по желанию дяди, чтобы тем самым обрести независимость. А там дело за малым - выкрасть брачный договор у будущего мужа и оформить развод, а потом сыграть свадьбу с любимым. Но вот незадача - муж оказался вовсе не так отвратителен, а любимый - не так прекрасен, как казалось.

ISBN 978-5-532-08013-3

© Ратникова Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Ил'Гаро расправил кожистые крылья и взмыл в воздух. Лететь сегодня было тяжело. Сказывались годы. Он отдавал себе отчёт в том, что его дни сочтены. Даже не так – их с Айлэ дни. Она всё-таки осталась с ним до конца, его Суженая. Ил улыбнулся, подумав о ней. Она – самое радостное, что было у него в жизни. Ну а то, что радость приправлена горечью – их же вина. Отчасти их.

Уже садилось солнце, когда он вернулся в пещеру. Она не была пуста. Айлэ ждала его. Её красные крылья блестели в закатном солнце. Она лежала, тяжело дыша, и ждала его терпеливо. Да. Их дни сочтены, а радость неотделима от боли. Сейчас его мог бы встречать сын, маленькое и любимое подобие их с Айлэ. Но они прокляты. Ил улыбнулся, ласково и печально, и отстранённо подумал, что человеку, наверное, его улыбка показалась бы страшным оскалом. Впрочем, они всегда жили мирно с людьми, до недавних пор.

– Ты не устал, Ил' Гаро? – Айлэ медленно и тяжело встала. Чешуя облетала, как старая листва, оставляя длинные прозрачные следы на песке.

– Немного.

– Я чувствую, что скоро завершится наш век и... – она не договорила. Скупая слеза прочертила дорожку по чешуйчатой щеке.

– Ты скорбишь о том, что никого не останется после нас, ведь мы последние драконы. Я знаю, милая. Не плачь! Нам уготована такая судьба, так давай же примем её с честью и постараемся рассказать людям о том, что с нами произошло.

– Кому? – Голос Айлэ звучал тихо и печально. – Никто и никогда не сможет прочесть наш язык. Мы – вечные пленники, и наша история умрёт вместе с нами.

– Не умрёт. Ну-ка, посвети мне, вот сюда.

Ил'Гаро начал выводить странные извилистые знаки на гладкой стене пещеры их дома. Писать когтями так, чтобы знак оставался надолго, было тяжело. Дракон несколько раз останавливался, переводил дыхание и начинал заново. К утру послание было закончено.

– Ты думаешь, его когда-нибудь прочтут? – Айлэ с тоской взглянула на мужа. Умирать не хотелось, совсем.

– Прочтут. Настанет такое время. И сдаётся мне даже, что потом произойдут великие события. У нашего народа ещё есть шанс.

– Ты думаешь?

– Уверен, – Ил улыбнулся. Дышать становилось всё тяжелее. – Милая, клади свою голову мне под крыло. Вот так. Давай встретим рассвет вместе.

Он чувствовал, что не рассвет они встречали, но закат своей жизни. Но Айлэ обязательно это знать. И когда из-за гор медленно начало подниматься яркое, почти оранжевое солнце, он обнял свою Суженую и закрыл глаза, чтобы уснуть навеки.

Глава 1

В большой библиотеке за столом красного дерева, заваленным книгами, сидел мужчина средних лет. Взъерошенные волосы, доброе и усталое лицо, очки, большие и круглые, делавшие его немного смешным – вся внешность выдавала в нём учёного или философа, из тех, кто вечно корпит над книгами, предоставляя жизни проходить мимо.

– Мне нужно перевести это слово. «Ангхаш» или «ангш» – что-то близкое к древне-илдонскому языку, – бормотал человек, лихорадочно перелистывая книги. – Вот. Вот. Уже что-то похожее.

– Профессор! Можно войти? Или вы заняты? – Стук в дверь прервал его размышления. Мужчина вздрогнул, потом опомнился, вздохнул и ответил:

– Конечно, мадам Берс, входите.

В библиотеку вошла пожилая женщина в платье лилового цвета. Её голову покрывал большой кружевной чепец, а в руках она несла поднос с чашкой, из которой шёл ароматный пар, и тарелкой булочек.

– Я тут принесла вам чаю с булочками. А то вы к завтраку не спускались и к обеду тоже. Времени-то, поди, уже совсем много. Вы так громко о чём-то рассуждали, что я раньше не решалась вас побеспокоить. – И женщина с материнским обожанием взглянула на профессора.

– Разве меня было слышно? – Мужчина покраснел. – Я думал, что говорю шёпотом. Проклятая моя рассеянность!

Он снял очки, положил их на одну из книг и усталым жестом протёр глаза.

– Поставьте поднос, пожалуйста. И передайте кухарке мою благодарность за замечательные булочки. – Профессор как раз уже взял булочку с подноса, когда заметил, что мадам Берс не уходит. – Что-то ещё?

– Вам письмо, от дяди.

Профессор нахмурился. Потом машинальным жестом попытался надвинуть очки на глаза, но не нашёл и растерянно устремил взгляд на мадам Берс. Она тут же отыскала очки и подала ему.

– Спасибо. – Он улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, превратив почти в красавца. – Ладно, читаем.

Мадам Берс вручила ему письмо и, поклонившись, бесшумно вышла. Профессор рассмотрел конверт. И правда, от дяди: «от мистера Эрдариуса, одного из семи лордов правящего круга мистеру Грегору Рихтеру» – ему, стало быть.

«Мой мальчик», – начиналось письмо. Грегор улыбнулся. Ему уже за сорок, а дядя до сих пор зовёт его мальчиком. Даром, что принадлежит к правящему кругу уже пятьдесят лет. «Я думаю, ты слышал про бал у Друфарса. Вся Гарлетонская знать съедется на него. Разумеется, кроме лордов. У нас, знаешь ли, свои дела. Так вот, я высылаю тебе приглашение. Старый лис не нашёл ничего лучше, как прислать его на мой адрес. Намёк я понял, но всё же, увы, не поеду. К тому же, старые кости временами сильно болят. Но ты поезжай непременно. Слышишь! Если я так написал, то никаких отговорок! Знаю тебя – ты с удовольствием засядешь через пять минут после моего письма, за какой-нибудь древний манускрипт и начисто забудешь про меня. Но если нашу ветвь не будет никто представлять, Друфарс очень обидится. Пойдут сплетни, разговоры. А нам этого не надо, верно? Мне ещё рано умирать, хоть за плечами без малого и семьдесят лет, а неугодных лордов обычно устраняют. Ну, ты, думаю, понял, о чём речь. В общем, будь на балу и постарайся отыскать там жену. Я, правда, серьёзно тебе об этом говорю. Не то помрёшь бобылём, как, видимо, скоро это сделаю я. В Гарлетоне много красивых девушек. Правда, не знаю, согласится ли хоть одна терпеть твои причуды. Дамам нужно внимание, а не рукописи и пыльные книги.

Р. С. – У Друфарса есть племянница и, говорят, прехорошенькая. Он в этот раз впервые выведет её в свет. Но мой тебе совет – держись от неё подальше. Может, она и неплохая девушка, но очень богатая, впрочем, как и ты. А у Друфарса руки загребущие. Думаю, ему не терпится выдать её поскорее замуж и прибрать к рукам половину её состояния. Мол, он как опекун достоин вознаграждения за прекрасное воспитание племянницы и всё такое. Но, я надеюсь, ты меня понял.

Засим остаюсь вечно твой – дядюшка Андриус»

Грегор аккуратно сложил письмо. Он ничего не знал про бал. Дядюшка как всегда верен себе: огорошить какой-нибудь новостью и оставить его одного разбираться с последствиями. И он всё ещё не оставляет мысли его женить. Грегор вздохнул. Очки соскочили на кончик носа. Он привычным жестом поправил их. Он никогда не думал о женитьбе. Книжный мыш – так он сам в шутку называл себя.

Последние пятнадцать лет все его мысли занимали только исследования. Грегор пытался расшифровать язык драконов и понять, почему они покинули Айларию. Он читал древние книги и манускрипты знаний, искал ответы в довременных свитках. Но пока всё было тщетно. Ответы должны содержаться в надписях, сделанных самими драконами, но их язык сейчас не знал никто из живущих. А ещё он – ключ к расшифровке языка азгов. Этим тварей нужно знать, как говорится, в лицо. И он, Грегор, уже так далеко продвинулся! Если так пойдёт и дальше – он сможет читать простейшие надписи, оставленные драконами в пещерах на севере Ирзади. Но, погоди-ка, ведь он забыл проверить последний ключ. Ну конечно же! Грегор вскочил, расплескав чай, и бросился к столу, на котором лежали книги, вперемешку со свитками и листами бумаги. Он обмакнул перо в чернильницу и начал выводить на бумаге какие-то странные замысловатые символы. За этой работой его и застало утро.

Невыспавшийся, но счастливый, он допил холодный чай, оставшийся на доньшке чашки, и направился в спальню. Вот теперь можно было отдохнуть! Последние буквы были найдены. Осталось только прочесть. У него были точные копии записей из пещер Ирзади. Если он сможет расшифровать их – это будет настоящее открытие. Правда, скорее всего, его никто не оценит. Грегор грустно улыбнулся. Дядя был прав. Сколько раз он говорил ему забросить свои исследования и заняться тем, чем должен заниматься человек его статуса – преподавать, в академии, например. Но ведь его это совсем не увлекало!

Вспомнив про дядю, он устало потёр лоб. Грегор совсем забыл про письмо. И, правда, как точно старик изучил его! Конечно, желания идти на бал у него не было никакого, тем более сейчас, когда видно окончание его трудов. Но подставить дядю он не мог. Положение мистера Эрдариуса, как правящего лорда, и впрямь было очень шатким. В своё время Грегор изучал правящие роды и достаточно усвоил об этом, чтобы понять – в письме дядюшка не шутил. Значит, придётся обязательно явиться на бал, да ещё и принести извинения за отсутствующего родственника.

– Мадам Берс, – Грегор остановился возле столовой, где эта женщина накрывала на стол, и позвал её. Мадам была кем-то вроде домоправительницы. Живущая в доме с незапамятных времён его детства, она знала все желания Грегора и неизменно учитывала их. Он был ей безумно благодарен и не желал иной заботы.

– Да, профессор, – тут же откликнулась она, выходя из столовой и торопливо вытирая руки о передник.

– Узнайте, пожалуйста, когда бал в доме Друфарса и распорядитесь насчёт надлежащей одежды и экипажа.

– Вы едете на бал? – Удивлению мадам Берс не было предела.

– Приходится, – Грегор отвечал кратко, боясь, что последуют расспросы, и ему придётся пожалеть о принятом решении. Да он уже жалел! Но дядя не оставил ему выбора.

Во дворике большого дворянского дома было тепло, но не жарко. Полуденное солнце освещало девушку в лёгком, молочно-белом платье, расшитом кружевами по последней моде. Она была очень юной и прелестной, с маленькой ямочкой над верхней губой и милым курносим носиком. Кудрявые волосы непослушными прядями спускались на плечи, покрытые батистовым платком. Она сидела в затенённой беседке и читала.

– Кея, Кея Гарстон!

Девушка подняла голову. Из жасминовых кустов у самой беседки выглядывала голова юноши. Он был широк в плечах, высок и хорошо сложен. Красивое и вместе с тем мужественное лицо делало его идеалом мужской красоты в глазах юных леди.

– Саймон! Я же просила не приходиться сюда! Дядя может увидеть тебя, и опять разразится скандал, как тогда.

– Прости, я больше не буду. – Голос звучал просительно, но на лице Саймона не отразилось ни капли сожаления. – Кея. – Он вылез из кустов и, войдя в беседку, сел рядом с девушкой и взял её за руку. Кея ласково посмотрела на него и не отдернула ладонь. – Ты собираешься на бал? Говорят, на нём будет вся гарлетонская знать.

– Конечно. Хотя я больше хотела бы остаться дома или поехать на бал с тобой, Сай. – Кея нежно посмотрела на юношу.

– Так в чём же дело?

– Не обижайся, но ты же знаешь дядю. Он не отстанет. Начнёт опять рассказывать, что дал слово моему отцу, что обязан вырастить меня как свою дочь и прочее в том же духе.

– Да. Я помню, как он в тот раз начал мне толкать речь. Мистер Саймон, а знаете ли вы, – Саймон нахмурил лоб и встал в трагическую позу, передразнивая, видимо, дядю Кеи. – что вы всего лишь сын мясника, хоть и приёмный, и нет никакой разницы, что в вас тоже течёт благородная дворянская кровь. Кея – девушка благородных кровей. Её отец был одним из семи лордов. Забудьте и думать про мою племянницу. Кхе-кхе. – И он расхохотался.

– Саймон, перестань! Не надо передразнивать моего дядю. – Кея нахмурилась. – Ты же знаешь, я это не люблю. Он славный старик.

– Ага, славный. И думает только о своей выгоде. Ты знаешь, что бал он устраивает с надеждой удачно выдать тебя замуж?

– С чего ты это взял? – подозрительно посмотрела на любимого Кея.

– А зачем тогда устраивать бал в неурочное время года, да ещё и приглашать на него всю знать Гарлетона?

– Для меня одной не много ли чести? – со смехом спросила Кея

– Не много, – совершенно серьёзно ответил Саймон. – Дядюшка хочет выдать тебя как ему удобно, а перед этим обсудить с кандидатом в мужья все условия сделки. У тебя ведь богатое наследство.

– Но я не хочу замуж ни за кого, кроме тебя, Сай! И дядюшка это знает, – взволнованно воскликнула Кея.

– Знает, но не думай, что он изменит своё мнение.

– Ну что-то же можно сделать!

– Я думаю, можно. Ты должна выйти замуж!

– Как это? Я думала ты... – Кея от изумления широко раскрыла глаза.

– Я люблю тебя, Кея, и всегда буду любить, но... – Саймон прижал палец к губам, призывая к тишине. – Тебе нужна самостоятельность. Дядя никогда не позволит тебе выйти замуж за меня. Значит, ты должна притвориться, что согласна выйти за того, кого он тебе назначит. После этого, тебе останется только выкрасть брачный договор и прочие бумаги и, улучив свободную минутку, вместе со мной отправиться в канцелярию, чтобы оформить развод. Половину имущества вернут тебе. Ты будешь свободна и богата. И тогда мы сможем пожениться.

– Но, Сай, воровать плохо.

– Брось! Выдавать замуж за того, кого не любишь, чтобы разбить сердце, но получить власть над наследством, ещё хуже.

– А если муж поймает меня и привлечёт к ответственности? – привела последний аргумент Кея, сопротивляясь таким разумным доводам Саймона.

– Не бойся, я буду рядом. Наверняка, дядюшка выдаст тебя за одного из старых лордов, которые непроходимо глупы (твой отец был приятным исключением) и желают только одного – вкусно поесть и сладко поспать.

– Хорошо. Ты, как всегда, прав. А сейчас давай просто посидим и поговорим. Я так давно тебя не видела! Казалось, прошла целая вечность.

– Всего неделя, – со смехом ответил Саймон. – Даже ничего нового не случилось. Только отец опять забыл свою трубку у Чарли, а тётушка Торри пришла на обед к пекарю в домашних тапочках. И шла она вот так. – Саймон встал и, шаркая, побрёл по беседке. Кея давилась от смеха, глядя на него.

– Госпожа Келинда, вас зовёт дядя! – раздался женский голос неподалёку от беседки.

– Сай, мне пора.

– До встречи, Кея. Я буду ждать тебя после бала, где всегда. – Саймон поднёс руку девушки к губам, отчего она покраснела, как маков цвет, а потом галантно поклонился и снова исчез в кустах.

Вечер выдался чудесный – туманный и тёплый. Яркая луна освещала небо над домом Друфарса. Лучше погоды для бала и представить было трудно. В Гарлетоне редко случаются такие тёплые вечера в это время года.

Экипаж остановился у главного входа. Грегор открыл дверцу и сразу оказался в чужом для него мире. Гости постоянно прибывали. Лакеи сновали туда-сюда. Богатые дамы, разодетые в пух и прах, и щеголеватые кавалеры спешили в дом. Грегор почувствовал себя неуютно во фраке, сшитом пять лет назад. Но дядя прислал письмо так поздно, а он совсем ничего не смыслит в моде! Он направился вслед за гостями, и оказался в большой бальной зале. Звучала музыка, кое-кто, самый смелый, уже даже танцевал. Но большинство гарлетонцев ждало появления самого Друфарса, который должен был открыть бал.

Грегор пристроился возле дальней стены за мраморной колонной, украшенной резьбой примерно горфского периода, и попытался развлечь себя мыслями о скорейшем окончании бала. Он не умел танцевать и чувствовал себя не в своей тарелке. Почти никого из здешней публики он не знал. А с кем был знаком – общаться не хотелось, поэтому он стоял, изучая орнамент на колонне.

Вдруг музыка стихла, и в зал вошёл сам Друфарс, держа под руку свою племянницу. Грегор мельком взглянул на них, и сердце в груди на несколько мгновений замерло. А потом забилося, как пойманная в силки птица. Девушка, стоявшая рядом с Друфарсом, была прекрасна. Юная, чистая и свежая, как цветок утренней росы в горах Ирзади. Она стояла рядом с дядей, смущенно улыбаясь, краснея и пряча глаза, одетая в платье, как в розовое облако. Грегор чувствовал, что она чужая на этом балу, так же как и он. И она не принадлежит к тем глупым прелестницам с острыми язычками, которых он побаивался и старался обходить стороной.

Бал пролетел на удивление быстро. Грегор помнил всё как в тумане. Он искал глазами в толпе племянницу Друфарса, жадно ловил каждый её жест и слушал доносившийся иногда смех. Кажется, их всё же официально представили друг другу. Но он был так смущён, что не посмел даже поднять на неё глаза. Запомнил только имя – Келинда. Как звук колокольчиков на ветру. Ке-Лин-Да...

Гости начали разъезжаться. Остались только самые близкие к Друфарсу люди. Чтобы не выглядеть навязчиво, Грегор тоже откланялся, постаравшись напоследок сохранить в памяти облик Келинды, как можно точнее. В этом таилась почему-то невыразимая сладость – пред-

ставлять её, видеть, как воочию. Дома в спальне и в библиотеке, заваленной книгами, в душной гостиной с жарко горевшим камином и в рабочем кабинете – везде его преследовал её образ. Грегор не мог заснуть. Перед глазами была она – смеющаяся, улыбающаяся, нежная, живая, чистая. Он спустился в библиотеку и попытался заняться расшифровкой надписей из Ирзади. Но, впервые в жизни, остался к ним совершенно равнодушен. Он заснул лишь под утро, но и снами его владела Келинда.

Проснувшись только к обеду, разбитый и обессиленный, Грегор, наконец, решился. Он взял лист бумаги и вытащил перо. Обмакнув его в чернильницу, попробовал писать, но перо дрожало в его руке. Он бросил перо, потом надел сюртук и шляпу и вышел за дверь, даже не позавтракав. Его путь лежал к мистеру Друфарсу.

Глава 2

В дверь постучали. Кея знала, что это дядя – больше просто было некому.

– Входите. – Произнесла она для приличия. И только после этого вошёл дядя – высокий, полноватый, мужчина с проседью в чёрных волосах. Губернатор всего Гарлетона. Его побаивались даже лорды правящего круга. Но с ней он был неизменно добр. Хотя она и не пыталась больше сердить его, после того, единственного раза, когда неосторожно заявила, что или выйдет замуж только за Саймона, или не выйдет вообще. Дядя тогда ей тоже заявил и достаточно твёрдо, что лучше он отдаст её в монастырь, чем выдаст замуж за сына мясника. Подумаешь, что Сай благородных кровей! Просто его дальний родственник – мясник взял его в детстве и усыновил. Но дяде этого было не объяснить. Мол, её отец был лордом, и она, как его дочь должна сделать выгодную партию. Кее претила сама мысль об этом. Но вот Сай такого же мнения, ну или почти такого же. То, о чём они договорились вчера в саду, было очень нехорошим решением, но она поддерживала себя мыслью о том, что её любимый и благородный Саймон не может посоветовать плохого. Слово «любимый» грело душу и так прекрасно звучало, что Кея, оставаясь одна в своей комнате, повторяла его сотни раз с разными интонациями, представляя себе Сая – такого красивого и обаятельного, неизменно ласкового с ней и с манерами настоящего джентльмена.

– Келинда! – Скрипучий голос дяди вывел её из грез. Кея вздохнула и повернулась к дяде. Она тысячу раз просила не называть её Келиндой. Это имя звучало слишком сухо и официально. Пусть оставит его для официальных приёмов, а ей вернёт более ласковое папино «Кея». Отца убили, когда ей было шесть лет. И она ярко помнила его голос, мягкую бороду, в которую любила зарываться лицом, а ещё запах канцелярской краски. Но это было слишком давно. Она почти уже не чувствовала боли, разговаривая о нём. А дядя продолжал. – Ты, дорогая, надеюсь, не забыла, что через неделю я устраиваю бал и это твой первый выход в свет? – Кея кивнула. Она не забыла. – Подготовься к нему хорошо. Лучшие парикмахеры и модистки в твоём распоряжении.

– Спасибо, дядя, я очень тебе благодарна. – Кея действительно была ему благодарна. Она даже радовалась бы предстоящему балу, если бы не ложка дёгтя от Саймона. Неужели, дядя действительно хочет поскорее выдать её замуж? Ах, лучше бы этот план сорвался! Хотя, впрочем, какая теперь разница? Пока дядя её опекун и ещё целых два года будет её опекуном, он всё равно рано или поздно успеет найти ей жениха. Ей остаётся только принять его волю и надеяться, что жених – не лысый и ему не семьдесят лет. Было бы куда проще, если бы Сай предложил убежать с ним и пожениться в ближайшей свадебной канцелярии! Но он печётся о ней и об её наследстве. Говорит, что она тогда всё потеряет, а он не хочет рисковать её будущностью. Мало ли что может с ним случиться. Но зачем ей наследство? Ведь Саймон сам говорил, что дела у них с приёмным отцом идут в гору, и они собираются открывать ещё одну мясную лавочку. Неужели несколько лавочек не прокормят их двоих. Неужели она так много ест? Ей совсем не нужны все эти наряды и дорогие безделушки, которые покупает ей дядя. Она может прожить и без них – главное, чтобы Сай был рядом.

Вечером перед балом у неё не было ни минуточки, чтобы увидеть Саймона. Наверное, он зря ждал её в укромном месте. Но Кея не могла отлучиться даже, чтобы предупредить его. Причёсывание, одевание, нотации дяди – ни секунды она сегодня не принадлежала к себе. Ах, как она ждала этот первый бал, как грезила о нём! Но слова любимого охладили пыл. Если бы только он сегодня был рядом! Кея, казалось, всё отдала – лишь бы иметь возможность танцевать с Саймоном, видеть его постоянно и встречаться не урывками, а каждый день. Но высший

свет неумолим. И как её угораздило родиться дочерью правящего лорда? Кея вздохнула и тут же ойкнула, когда корсет больно впился в рёбра.

– Келинда, ты готова? – Дядя, одетый по последней гарлетонской моде, заглянул в комнату.

– Да, дядюшка. – Кея осмотрела себя в зеркало. Розовое платье из илдонского шёлка очень шло ей, подчёркивая красоту белоснежного лица и золотистых локонов, в сложной причёске, спадавших на плечи. Но она тут же отвернулась. Что ей эта красота, если её не видит Сай?

– Ты прекрасно выглядишь! – дядя посмотрел на неё с нескрываемым удовольствием.

Кея подала ему руку, и они проследовали вниз по лестнице к парадной зале. Музыка стихла. Дядюшка открыл дверь, и они вошли. Кея подняла голову, чтобы осмотреть зал, и тут же опустила, покраснев. Все взгляды были устремлены на неё. В них читалась и зависть, и восторг, и удивление, и восхищение. Мистер Друфарс сполна наслаждался этой минутой, не замечая, что племяннице не по себе. Потом был подан сигнал к балу. Музыка заиграла снова. Начались танцы.

Кея не успела оглянуться, как её бальная книжка была исписана до самой последней страницы. Она была бы и рада не танцевать, но подходящей причины для отказа не нашлось. Да и стоять в одиночестве, разглядывая резьбу на колонне, ей совсем не хотелось, ведь она почти никого не знала на балу. Не с кем было поговорить по душам или обсудить последние новости. Наверное, в том, что у неё нет подруг, была отчасти и заслуга дяди. Он считал, что общаться ей подобает только с детьми из знатнейших родов Гарлетона. Но ни с кем из них, у неё не сложилось дружеских отношений. Да и зачем ей подруги – у неё с детства был Саймон. Они делились новостями, рассказывали друг другу все тайны и секреты. Он приходил с приёмным отцом почти каждый день, и пока отец болтал с кухаркой, а та расплачивалась за мясо, они играли в саду. Кея сама не поняла, как любовь выросла из дружбы, просто в один ясный солнечный день, Сай сказал, что любит её, и всегда будет любить. Им тогда было по шестнадцать. А она? Разумеется, она его тоже любит и будет любить всю жизнь! А как же иначе?

Проплывая в танце мимо одной из колонн, она заметила в углу залы мужчину. Он стоял так одиноко и выглядел так несчастно, что ей даже стало жалко его. Старый фрак, давно вышедший из моды, потёртые ботинки, взъерошенные чёрные волосы и какие-то нелепые очки, всё время спадавшие на нос – одним словом, чудак. Он выглядел так чужеродно на этом балу, что Кея подумала: «И как только его заставили появиться здесь?» При первом же удобном случае она спросила у одной знакомой леди, кто этот странный мужчина.

– О, дорогуша, это Грегор Рихтер, племянник правящего лорда Эрдариуса. Слышала о таком? Важная шишка. У этого племянника денег – куры не клюют, но с головой у него не в порядке.

– А что такое?

– Да он с утра до ночи сидит над книгами! Вроде, что-то исследует. Он же -профессор. Да только преподавать отказывается, хотя дядя мог бы без проблем устроить его в академию. Говорят, дядя даже не оставляет мысли его женить. Но я тебя умоляю – кто же захочет за него выйти замуж? С ним же от скуки смертной умрёшь – одни книги, вечные книги, и больше ничего.

Вот, значит, как! Но Кея не увидела в этом рассказе ничего отвратительного. Она любила в дождливые дни читать, свернувшись калачиком у окна и слушая, как завывает ветер в каминной трубе. А ещё мечтать о Саймоне... Мысли её тут же переметнулись к любимому, который сидел где-то там, в одиночестве, без неё. И до конца вечера она уже не вспоминала об одиноком профессоре, скучавшем в углу бальной залы.

Глава 3

Грегор шёл по улице. Он отправился к Друфарсу пешком, надеясь, что ветер освежит немного его голову, в которой бились странные, сумасшедшие мысли. Какое-то нежное милое слово вертелось на языке, но он не хотел его произносить. Он не мог понять, как такое случилось, что девушка с прекрасным именем Келинда завладела его мыслями, и чувствовал себя беззащитным и беспомощным, словно ребёнок. Он никогда даже не думал о женитьбе, но со вчерашнего дня всё так изменилось... Грегор не знал, на что он надеется, но всё же упрямо шёл к дому Друфарса. Мысли, обычно стройно вертевшиеся вокруг его исследований, сейчас носились сумбурно, как белки в колесе, создавая хаос, что приводило его в отчаяние. Он к этому не привык. Всегда его жизнь текла, подчиняясь определённому распорядку, а сейчас словно плотина прорвалась, превратив размеренную жизнь в полноводную бурлящую речку.

У дома Друфарса он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Нерешительно постоял у ворот, а потом вздохнул и сделал шаг по аллее, ведущей к дому, потом ещё один и ещё. Всё. Пути назад больше не было.

На стук в дверь вышел дворецкий и, подозрительно осмотрев его потёртый сюртук и поношенную шляпу, спросил:

– Вам назначено?

– Нет. – Грегор смешался на секунду, но потом уже твёрдо добавил. – Но у меня к мистеру Друфарсу важное дело.

Дворецкий едва слышно хмыкнул, потом не спеша произнёс:

– Я передам. Подождите меня здесь. – И исчез, едва не захлопнув дверь перед носом у Грегора, который растерялся от такого поступка ещё больше. Но немного собравшись с мыслями, он всё-таки остался ожидать возвращения дворецкого, рассеянно рассматривая сад Друфарса. Небо над Гарлетоном всё больше сгущалось тучами, обещая скорый дождь. Никакого желания мокнуть у Грегора не было, и он, подумав, решил, что без спроса займёт прихожую Друфарса, если дворецкий не вернётся. Но тот появился неожиданно быстро и, почему-то, краснея, произнёс уже намного более вежливым тоном:

– Пройдите в кабинет, мистер Рихтер. Мистер Друфарс ждёт вас там.

Грегор вошёл в прихожую, скинул плащ и отправился за дворецким на второй этаж, потом, отпустив его, постоял немного, считая удары своего сердца. Решиться было тяжело, но он вздохнул, сжал губы и постучал. В голове гудело, и от волнения трудно было дышать.

– Входите, мистер Рихтер. – Голос Друфарса был любезен, пожалуй, даже слишком. – Чем могу быть вам полезен?

– Я... Я... – Грегор опустил глаза. Надо было сказать, зачем он пришёл. Но это так тяжело! Проклятая растерянность напала на него, и он несколько минут не мог выговорить ни слова, потом прокашлялся и всё-таки продолжил. – Я пришёл просить у вас руки вашей племянницы.

Наступила тишина. Грегор разглядывал свои ботинки, боясь поднять глаза на Друфарса и увидеть в них приговор.

– Вот и замечательно! Вот и чудесно! Такое везение! Садитесь, Грегор, садитесь. Можно вас так называть, да? – Внезапно разразился радостным потоком слов мистер Друфарс. Грегор почти не слушал его, понимая одно – ему не отказали. Дело, конечно, ещё за самой девушкой. Но ведь она ещё так юна и неопытна. Доверие любящего дяди для неё значит всё. Если дядя согласен – он, наверное, уговорит и племянницу. Самое трудное было сделано. Ему, правда, показалась слишком уж восторженной любезность Друфарса. Но ломать голову над этим сейчас вовсе не хотелось. Дядюшка Эрдариус разберётся с этим, потом...

– Только, спросите, пожалуйста, у вашей племянницы... Келинды... согласна ли она. Я не хочу её неволить. – Эти слова нелегко дались Грегору, но он всё-таки произнёс их. Друфарс сразу же развеял опасения, выразив почти его мысли вслух.

– О, Грегор, право, не стоит беспокоиться. Я, конечно, спрошу, но моя племянница ещё так юна. Она первый раз выехала в свет и так мало знает жизнь. Наверное, не будет стоить большого труда для такого прекрасного мужа, как вы, внушить ей уважение и симпатию. Знаете, головки юных девушек поначалу всегда забиты всякой чепухой вроде романтики и любви. Они не понимают настоящих выгод брака по расчёту. Но с вами племяннице так повезло!

Грегора передёрнуло, когда Друфарс сказал про брак по расчёту. Неужели он думает, что его волнуют деньги Келинды? Но со стороны, наверное, только так и выглядело. Он захотел вставить слово, оправдаться, рассказать про свои чувства, но Друфарс говорил и говорил, не давая ему такой возможности. Грегор вздохнул и смирился. Он расскажет об этом Келинде, обязательно расскажет при первой возможности.

– Как скоро вы хотите сыграть свадьбу?

– Не знаю... Не думал... – ответил рассеянно Грегор.

– Тогда, значит, чем скорее, тем лучше.

– Но, мне кажется, нужно всё же сначала спросить вашу племянницу, согласна ли она.

– О. Это небольшие формальности. Поверьте мне, Грегор, мы всё уладим. А велико ли ваше состояние?

– Сорок тысяч золотых в год. А зачем вам это? – Грегору показалось, что, услышав цифру, Друфарс чуть не закричал от радости, потирая руки. Всё же от него надо держаться на расстоянии – странный он человек. Даром, что дядя просил в письме не связываться с ним.

– Для брачного договора. Понимаете, я опекун и распорядитель всего состояния Келинды. А оно немаленькое. И мне надо следить, чтобы оно попало в надёжные руки, и было употреблено исключительно во благо моей подопечной.

Грегор кивнул. Друфарс объяснил вполне логично. Но всё-таки какой-то червячок сомнения грыз его изнутри. Пожалуй, с этим всё же должен разбираться дядя.

Он закончил разговор, попрощался с Друфарсом и нанял экипаж. Дома его ждала мадам Берс, которой ещё только предстояло объяснить, какие перемены случились в его жизни. Вернувшись домой, Грегор наскоро поужинал ломтём холодной баранины с пудингом, и сел за письмо.

«От мистера Грегора Рихтеру – мистеру Эрдариусу, правящему лорду.

Дядя, приветствую тебя».

Дальше он поставил жирную точку. Что написать? Дядя, я наконец-то женюсь? Звучало глупо и неестественно, как будто он это сделал единственно из-за его просьбы. И всё же...

«Я женюсь. Моя невеста – племянница Друфарса. Мне нужна твоя помощь в составлении брачного договора

Твой племянник Грегор».

Грегор вздохнул, потом поставил свою подпись и запечатал письмо. Он передаст его завтра с посыльным. А сейчас спать. Грегор прошёл мимо записей из Ирзади, даже не повернувшись. Он сможет спокойно заняться ими только, когда она будет рядом. Такая красивая, юная и... любимая.

После бала, Кея разделась, вытащила шпильки из ужасно тяжёлой причёски и без сил упала на кровать. Ноги гудели с непривычки. В голове было пусто. Завтра она найдёт Саймона и обязательно расскажет ему о бале. Она даже запомнила несколько смешных эпизодов, чтобы рассказать о них любимому.

А сейчас – спать. И Кея забылась зыбким сном, в котором она танцевала на балу с ужасным стариком, едва ли не рассыпавшимся у неё на глазах. А за стеной бала (Кея видела это

и одновременно танцевала) текла совсем другая жизнь. Весёлый Саймон (её Сай!) носился наперегонки с какой-то девушкой в простом деревенском наряде. Она мечтала броситься к нему, поговорить с ним, но он убегал всё дальше и дальше, а танец никак не кончался и старик всё крепче вцеплялся в неё. Кея попыталась вырваться от него, бросилась прочь, но цепкие костлявые руки держали крепко, а голос шептал издевательски нежно: «Куда же вы, моя жена, собираетесь бежать?». Она рвалась и кричала: «Саймон!», а потом сон закончился, и она словно полетела в какую-то ужасную бездну.

Кея проснулась на полу от того, что больно ударилась коленкой о комод, падая с кровати. Сердце ещё сильно билось. Она вспоминала цепкие костлявые руки и этот голос... Нет! Что угодно лучше, только не замуж! Она выйдет только за Саймона или уедет в монастырь! Надо срочно написать Саю, уговорить встретиться. Кея быстро написала пару строк на записке: «Жду сегодня в семь. Очень срочно. Твоя Кея».

У них было своё укромное место, где они поверяли друг другу все тайны, горести и радости, а ещё хранили записки. В ограде сада, окружавшего дом дяди, была дыра, а за ней начинался угрюмый гарлетонский лес. И там, как на радость влюблённым, росли два дуба, сплетённые ветвями так, что создавали нечто вроде крыши над головой. В дупле одного из дубов влюблённые и прятали записки о встрече. Они договорились каждый день прогуливаться к этим дубам (благо обоим до них было минут двадцать ходьбы) и смотреть – есть ли какие новости.

Кея наспех оделась, накинула плащ и шляпку и, даже не заплетя волосы, отправилась к дубам. Она поэтично называла их – Влюблённые навсегда. На улице шёл дождик, но это была чепуха перед той бурей, что творилась в душе. Она оставила записку там, где они уговаривались. Оставалось только молиться, что Саймон придёт. Она готова была на коленях умолять его выкрасть её из дядино дома и жениться. И ну его, это наследство, к азгам!

После обеда, она заскучала. До встречи с Саем ещё так долго! Кея взяла любимую книгу, из тех, что хранились под подушкой и были зачитаны до дыр, и легла с ней на кушетку. Она сама не заметила, как задремала. На этот раз, правда, без сновидений. Проснулась она от лёгкого стука в дверь.

– Войдите! – Кея села, поправила платье, и подняла голову, взглянув на дверь. Вошёл дядя. Его вид не предвещал ничего хорошего для неё. Неужели всё-таки он будет говорить о том, о чём предупреждал её Саймон? Только не сейчас! Она ещё не знает, как поступить. Кея внутренне сжалась и приготовилась услышать от дяди свой приговор.

А начал Друфарс совсем не радостно:

– Дорогая Келинда, я надеюсь, ты оставила свою глупую влюблённость в этого... пфф... мясника, – дядя даже скривился, выговорив это слово. Кея молчала. Дядя, наверняка, не потребует ответа. Так и оказалось. Друфарс продолжил. – Потому что у меня для тебя прекрасная новость – один замечательный человек попросил у меня сегодня твоей руки. Я, конечно, не отказал ему, и, надеюсь, не откажешь и ты.

– Кто он? Я его знаю? – Сердце у Кеи рухнуло в пятки.

– Вряд ли он тебе известен. Но это ничего страшного. Он – замечательный человек и, между прочим, очень богатый жених, а ещё племянник самого лорда. Его зовут Грегор Рихтер.

Грегор Рихтер. Что-то знакомое, что-то очень знакомое. Кея несколько минут пыталась вспомнить, откуда она знает это имя. А потом в голове возник образ одинокого чудаковатого мужчины у колонны в бальной зале, и она вздохнула с облегчением. Этот мужчина не вызывал у неё отвращения, скорее жалость. Наверное, его тоже заставили жениться. Она помнила вчерашний разговор с леди Темриз на балу. Наверное, лорд Эрдариус имеет рычаги влияния на мистера Рихтера. Но, это ведь досадное неразумие. Надо будет после свадьбы рассказать ему о том, что её выдали замуж насильно. И если он находится в такой же ситуации, то должен понять. И тогда они просто мирно разойдутся через пару месяцев. Этакий фиктивный брак.

Кея ухватилась за эту мысль, как за соломинку. И хотя ей самой казалась невероятным, что взрослого самостоятельного человека можно принудить к тому, чего он не желает, она всё же упорно продолжала в это верить.

– Так ты согласна на брак? – Дядя нетерпеливо напомнил ей о своём присутствии.

Что ей делать? То, о чём они уговорились с Саймоном или отказываться? Но, Сай, наверное, будет против. Кея вздохнула. В конце концов, они могут сбежать и до свадьбы, и сразу после свадьбы. Какая разница? Она немного успокоилась. Всё-таки мистер Рихтер не такой уж страшный жених. А ей лишь пару недель надо протерпеть.

– А сколько ему лет? – Задала она дяде последний вопрос, прежде чем дать окончательный ответ. О, как хотелось потянуть время!

– Сорок один или около того, а что?

– Да так... – Кея вздохнула свободно. Хотя бы не семьдесят – уже хорошо. Она вспомнила свою кузину, Алисию, которую выдали замуж в шестнадцать лет за семидесятилетнего старика. Сейчас Алисии тридцать, и уже год как она вдова. Но Кея никогда не забудет странного полубезумного взгляда кузины, которая встретила с ней глазами на одном из светских вечеров. Наверное, такая жизнь была слишком тяжела для неё. После смерти мужа кузина пустилась в разгул, и получила славу взбалмошной и истеричной леди, которая то впадала в меланхолию на несколько недель, а то внезапно принималась танцевать и громко напевать. На приёмах она всегда говорила не в такт и невпопад смеялась. Кея вспомнила свой сон и содрогнулась. Нет уж! Лучше мистер Рихтер. С ним она всегда сможет договориться. Ну, по крайней мере, ей самой так казалось.

– Я согласна, – громко произнесла она.

Дядя вздрогнул, а потом внимательно на неё посмотрел. Наверное, он ожидал другого ответа. Но Кея не выказала никакого сопротивления. Удостоверившись, наверное, что она действительно согласна, Друфарс радостно заговорил:

– Вот и чудненько! Вот и славненько! Брачный договор мы с твоим будущим супругом составим на днях. Свадьбу я думаю сыграть через неделю-полторы. Зачем медлить? Я сегодня же отдам приказание лучшим модисткам приняться за шитьё твоего платья. Всё должно быть на высшем уровне.

Кея молча кивнула в ответ. Ей было всё равно. Зачем делать праздник из фикции? Но дяде обязательно надо было «не ударить в грязь лицом». И когда он ушёл, весело насвистывая какую-то песенку, она вздохнула свободно и начала собираться на встречу с Саймоном.

Под Влюблёнными Навсегда было мокро. Дождь только что закончился и холодные капли падали на голову и на шею. Кея зябко поёжилась. Почему Сай задерживается? Может быть, он не прочитал записку? В голове роились сотни предположений. Но они не успели окрепнуть, так как через пару минут Саймон всё-таки появился.

– Ты звала меня, Кея? – Голос говорившего был нежен, но в нём чувствовались нотки раздражения.

– Да, Сай. Это очень важно! – Кея потупилась.

– Ну же, дорогая, говори быстрее. Я сегодня очень занят. У отца появилось много важных клиентов. Едва нашёл минутку выбраться к тебе. Мы же должны были встретиться завтра. К чему такая спешка?

Кея почувствовала себя маленьким ребёнком, которого нежно, но строго пожурили любящие родители. Сай... он такой странный. Временами она не понимала его. Она вздохнула, подняла глаза на любимого и почти с мольбой сказала:

– Давай убежим, Сай! Мне не по нраву выходить замуж за другого. Я не могу, правда... Мне так плохо!

– Но мы же договорились, Кея, милая. – Саймон нахмурился. – Что-то случилось? Почему ты не хочешь?

– Я... Мне просто страшно. – жалобно призналась Кея.

– Ну, глупышка, чего там может быть страшного? – Сай почти отеческим жестом погладил её по растрёпанным волосам.

– Я боюсь, что не выдержу без тебя.

– Не бойся. Я всегда буду рядом. Тебе надо будет всего пару недель продержаться. А потом мы сбежим и поженимся. Обязательно. Я обещаю.

Кея сделала вид, что поверила и сморгнула слёзы. Ну почему Сай такой жестокий? Ведь он же любит её и печётся о её благе! Почему же в сердце так больно от его отказа?

– Лучше расскажи мне, что весёлого случилось на балу?

Кея начала рассказ, хотя на языке вертелись совсем другие слова, а мысли были заняты её будущим замужеством. Но Сай неподдельно и весело хохотал над её описанием бала, и скоро она сама развеселилась. Настроение поднялось. Всё-таки она не могла долго злиться на любимого. И тогда Кея решила.

– Ты знаешь, Сай, ты был прав. Сегодня дядя сказал мне о том, что у него есть кандидат на роль моего мужа, и спросил, согласна ли я выйти за него.

– И ты, конечно же, согласилась?

– Ну да. Как мы договорились, – немного недоумённо ответила Кея. Её удивила весёлость Саймона, когда он заговорил о замужестве. Ей было совсем не весело, а временами даже накапывал страх. Что за человек её жених? Сможет ли она прожить рядом с ним эти несчастные две недели?

– И кто же он?

– Мистер Грегор Рихтер.

– А. Эта библиотечная крыса! Вот уж не ожидал! – И Саймон расхохотался.

– Что смешного? – Кея готова была опять заплакать.

– Ну, ты знаешь, я часто вижу его из окна. Он любит прогуливаться мимо нашего дома. И когда он идёт вот так, – и Саймон передразнил походку мистера Рихтера, – то не видит ничего вокруг. Он никогда не здоровается и, я думаю, даже не замечает, что вокруг творится. Несись на него бешеная лошадь, он даже и не отойдёт в сторону. Говорят, у него не все дома. Сидит с утра до ночи над книгами. Как он хоть жениться то решился? Видать его дядя заставил. Ну, такого то мужа ты можешь не бояться. Если ты уйдёшь, он о тебе только через три дня вспомнит. – И Саймон опять рассмеялся.

– Ты правда так думаешь? – Кея с мольбой подняла на него глаза.

– Конечно! Выше нос! У Рихтера можно даже очки снять, а не то, что брачный договор выкрасть, а он даже и не заметит.

Кея немного ободрилась. Может, и правда, ничего страшного в будущей женитьбе нет? Правда, если бы дядя выдавал её за старика, она не смогла бы согласиться, даже ради Саймона. Они поговорили ещё чуть-чуть, а потом расстались. Она пообещала Саю не делать глупостей и держать его в курсе.

Глава 4

С утра Грегор отправил письмо дядюшке с посылным, не зная, чего ожидать – то ли ответного письма, то ли визита самого Эрдариуса. Дядя был ещё тот чудак, хотя и считал чудаком его. После смерти отца, с которым Грегор не особо дружил, его роль взял на себя дядя. И за эти двадцать лет, прошедшие со смерти Гастора Рихтера, Андриус Эрдариус стал ему почти другом, к советам которого Грегор достаточно охотно прислушивался.

Ближе к обеду прискакал посылный сразу с двумя письмами – от дяди и от Друфарса. Увидев письмо с гербовой печатью губернатора, Грегор почувствовал, как сильно забилося сердце. Он отыскал на столе очки. Пальцы немного дрожали.

«Дорогой Грегор! Вам не о чём беспокоиться. Разумеется, Келинда согласилась стать вашей женой. Я подумал и решил назначить свадьбу на ближайшую неделю. А пока что нам с вами надо обсудить брачный договор, касающийся наследства вашей будущей супруги. Жду вас завтра в два.

Преданный вам Кевин Друфарс».

Грегор отложил письмо и улыбнулся, почувствовав как напряжение, владевшее им, сейчас понемногу отпустило. Записка от дяди была ещё лаконичней. Он обещал, что зайдёт сам сегодня вечером, чтобы хорошенько побеседовать по душам. Это значило, что Андриус будет опять читать ему нотации. Грегор нахмурился. Обычно он не обращал особого внимания на слова дяди. Они встречались достаточно редко для того, чтобы потерпеть друг друга. Но сейчас... Если дядя будет отговаривать его... Впрочем зачем думать об этом?

– Мадам Берс! – Позвал он.

– Да, профессор!

– Я жду дядю к вечеру. Попросите, пожалуйста, кухарку приготовить что-нибудь сладкое.

– Конечно! – Домоправительница улыбнулась. – Мистеру Эрдариусу здесь всегда рады.

А вы сами, не будете ли кофе? Хороший, вкусный, со сливками. А то вы выглядите таким бледным, что, право, страшно на вас смотреть.

– Хорошо. Принесите в библиотеку. – Грегор улыбнулся. Волнение, вызванное вчерашним визитом к Друфарсу и ожиданием ответа, почти прошло, и он решил заглянуть на минутку в свои записи. Когда мадам Берс принесла в библиотеку кофе на подносе, Грегор уже что-то увлечённо писал, разглядывая рисунки на старинном манускрипте. Отвлёк его только стук в дверь.

– Мистер Рихтер, – мадам Берс так всегда называла его при посторонних. – К вам мистер Эрдариус.

Грегор встал, машинально поправил очки и пригладил волосы.

– Сиди-сиди. Ты как всегда занят, я вижу, – раздался бодрый голос дядюшки, и в комнату вошёл сухопарый старик в брюках и сюртуке. Массивная трость с головой льва постукивала по паркету в такт шагам. – Никакая свадьба не может поколебать твой интерес к древности. И далось оно тебе? Ну, рассказывай, что стряслось.

Мистер Эрдариус уселся на старинный стул красного дерева, сиротливо стоявший подле книжных полок. Грегор взял свой стул и, передвинув его поближе к дяде, сел сам. Хорошо изучив дядюшку, он ждал его вопросов, не начиная разговор первым. И долго ждать не пришлось:

– Так, вижу, что ты молчишь. Ну, рассказывай, как тебя угораздило предложить себя в роли жениха племяннице Друфарса. Как только наглости хватило! – Непонятно, чего было больше в этом восклицании – удивления или восхищения. – Он ведь тебе не отказал? Ещё бы – такой богатый жених, племянник «самого лорда Эрдариуса», – передразнил старик Друфарса. – Думаешь, я не знаю, как меня называют за глаза? А ещё другими, менее лестными прозвищами, но об этом тебе знать не надо. Вижу, что моё письмо ты воспринял слишком

буквально, правда... наоборот. И чего тебя только в этой племяннице Друфарса прельстило? Милая, конечно, девушка, но таких нынче пруд пруди. Есть ещё и попроще и помилее. Разве что состояние немалое. Но, оно, всё равно ни тебе, ни ей не достанется.

– Вот об этом я и хотел поговорить, – вставил Грегор, пропустив мимо ушей очередной намёк о его желании обладать наследством Келинды. Спорить с дядюшкой было себе дороже. К тому же тот рано или поздно всё равно поймёт, что к чему – он слишком хорошо знал племянника.

– Ты хочешь, чтобы я обхитрил Друфарса, проще говоря? – Дядя посерьёзnel. – Меня за это по головке не погладят. Я и так по лезвию ножа хожу. Между прочим, отца твоей невесты, Гарстона, убрали. Он был самым молодым из лордов, и самым несведующим в интригах.

– Не обхитрить, – возразил Грегор. Ему стало не по себе. Так было всегда, когда дядя намекал ему на политические интриги и заговоры, которыми кишел высший свет и в которых он, Грегор, вовсе не хотел участвовать. – Лишь помешать ему обхитрить меня и оставить свою племянницу без наследства, причитающегося ей.

– Когда вы с ним договорились встретиться? – Вздохнув спросил дядя. Он как-то сразу посуровел, и Грегор теперь видел его таким, каким он был, наверное, на советах, в кругу лордов, где опасность могла прийти от того, кого не ожидал, а нож в спину можно было получить за малейшую провинность. Проклятые законы!

– Завтра в два. Он прислал мне письмо.

– Хорошо. Я приеду к тебе завтра, и пойдём к нему вместе. А сейчас мне надо идти. Я спешу. – Грегор кивнул. – И береги себя, мой мальчик!

Дядя обнял его, похлопал по спине и вышел, не оборачиваясь.

Когда они вошли, Друфарс уже распрощался с последними посетителями и сидел одиноко в своём кабинете. Увидев Грегора, он добродушно улыбнулся, но тут же посуровел, разглядев рядом дядю.

– Лорд правящего рода Эрдариус, чем обязан вашему присутствию здесь?

– О, сущие пустяки. Мой племянник известил меня письмом о своей скорой женитьбе, а я решил прогуляться с ним, чтобы засвидетельствовать вам своё почтение. – Андриус излишне почтительно поклонился. Друфарс недоверчиво смотрел на него. Но потом, видимо, не почувствовав подвоха, поклонился в ответ:

– Я очень рад вас видеть. Посещение лорда для меня большая честь. Присаживайтесь. Я могу предложить вам чашечку кофе, пока мы с вашим племянником будем обсуждать кое-какие детали предстоящей свадьбы.

Грегор, стоявший рядом с дядей, разобрал, как тот прошипел сквозь зубы:

– Ты бы с удовольствием подлил мне яду в эту чашечку кофе, старый лис! – А потом вслух. – Нет спасибо, я не очень люблю кофе. Но вот от крепкого ирзацийского чая не откажусь.

Друфарс позвонил в колокольчик, висевший у двери. На звук прибежала девушка-служанка:

– Принеси крепкого чая этому господину. Да побыстрее!

Девушка кивнула и ушла, чтобы через несколько минут вернуться с чашкой чая на подносе.

– Мистер Рихтер, садитесь сюда. Давайте обсудим с вами то, о чём мы позавчера говорили, – и Друфарс подвинул ему стул, сам садясь так, чтобы видеть одновременно и его и Эрдариуса. Грегор поправил очки – это немного успокаивало, и взглянул на дядю. Сейчас его ход. Он чувствовал себя пешкой в их политической игре и от этого необычно волновался. Его бы воля – издал бы закон, отменяющий все эти брачные договоры. Разве ради него он женится? Но дядя чуть заметно подмигнул ему. Игра началась. Грегор не знал, какая роль отводится ему, поэтому старался делать всё как всегда, с предельным вниманием. За пятнадцать лет исследо-

ваний, ему попадались и документы в области законов и права. И хотя он не был юристом, но сразу с первых строк, понял, что брачный договор составлен в пользу Друфарса. Как он и предполагал, дядя прописал в договоре, что до совершеннолетия, он является хранителем наследства Келинды Гарстон, его племянницы. Грегор несколько раз перечитал это имя. Оно звучало так прекрасно! Невольная улыбка пробежала по губам. Но потом, вздохнув, он вернулся к реальности. Сейчас было совсем неподходящее время для мечтаний. И, в общем-то, там достаточно прозрачно было написано, что своё наследство мисс Гарстон сможет получить только после совершеннолетия, а до этого момента Друфарс имеет право использовать его, как считает нужным, но с одной оговоркой – на пользу племянницы. Грегор наморщил лоб. Этот договор был составлен против всех правил. Ни один законник из канцелярии не согласился бы поставить свою подпись под ним. Но Гарлетон – столица, и губернатор в ней – Кевин Друфарс.

– Ну что? – Друфарс прервал внимательно читавшего договор Грегора. – Я думаю, здесь всё кристально ясно. Ваше состояние после женитьбы останется за вами. А Келинда – будет владеть своей частью наследства. Это всего лишь мелкие формальности, которые нужно узаконить на бумаге. Вот перо. Ваша подпись должна быть слева.

Грегор помедлил, давая дяде время для действия. И дядя начал игру.

– Мистер Друфарс, – старик встал, отодвинув недопитую чашку с чаем. Трость, как бы невзначай, громко стукнула об пол. – Раз уж я тут со своим племянником оказался в такой знаменательный момент, мне бы очень хотелось прочитать брачный договор. В конце концов, правящий круг скоро хотел начать проверку документации – сначала во всём Гарлетоне, ну а после и по стране. Я думаю, что брачный договор вашей племянницы – это как раз то, с чего стоит начать проверку.

– Вы в моих личных владениях, – зашипел Друфарс, почти с ненавистью глядя на Эрдариуса.

– Да, но у лордов есть право свободно входить к своим верноподданным в любое время дня и ночи. – Андриус не отрывал от него взгляда.

Друфарс не нашёл, что ответить и просто стоял, как бы невзначай загораживая собой стол, на котором лежал брачный договор.

– Договор! – Голос Эрдариуса зазвучал резко и жёстко. Он стукнул тростью по полу, так что в паркете появилась вмятина. Грегор отстранённо наблюдал за дядей, поражаясь, в то же время его внутренней силе. Друфарс, видимо, понял, что его не оставят в покое.

– Да на, забирай! – Он выхватил из-за спины договор, кинул Эрдариусу и отвернулся. Грегор, молча наблюдавший за дядей, встал и подошёл к нему.

– Что там?

– Я думаю, мой мальчик, ты и сам всё понял. Книжная премудрость тебе всегда легко давалась. Этот договор никуда не годится, – произнёс шёпотом дядя, а потом уже громче добавил. – Мистер Друфарс, что же вы так? Поручаете составлять документы первому попавшемуся служащему. Так ведь и до тюрьмы недалеко. Проверять надо документы.

Друфарс, быстро поняв, куда клонит Эрдариус, выдавил из себя улыбку, приняв его игру:

– Вот же, Генри, дурак! Говорил ему – будь внимателен, сверяйся с образцами. А он, видно задумался о чём-то. Ай-яй-яй!

– Ну да! Генри ответит, конечно, по всей строгости. Но нам – то с вами что делать? Может быть, я составлю другой договор? Вы его быстро подпишете. А там уж в свадебной канцелярии доделают всё необходимое.

Друфарс задумался. Это было для него единственным шансом избежать тюрьмы – поддержать игру дяди. Только вот чем поплатится Андриус, приобретя ради него, Грегора, такого врага, страшно было даже подумать. Он теперь вечный его должник.

– Хорошо. Составляйте. Я подожду. Бумага и письменные принадлежности вон в том ящике.

Через час договор был составлен по всем правилам. Друфарс под строгим наблюдением дяди собственноручно подписал его и поставил свою печать. Потом, чуть помедлив, это сделал и Грегор. Эрдариус забрал договор с собой, а потом на улице передал ему.

– На, держи. На долгую память, так сказать. Не потеряй до свадьбы. И будь осторожен, я тебя умоляю! Как тебя угораздило воспылать чувствами к его племяннице, я не знаю, и знать не хочу, но надеюсь, что она хотя бы достойна этого.

– Я в вечном долгу у вас, дядюшка.

– Ничего. – Андриус обнял его. – Я буду доволен, зная, что тебе выпала более радостная доля, чем мне. Будь счастлив, мой мальчик!

Возле дома Грегора они расстались. Дядя нанял экипаж до своего поместья, а Грегор вошёл в дом с какой-то странной грустью на душе.

Всё время, оставшееся до свадьбы, Кея провела как в тумане. Она волновалась и боялась. Будущее страшило её. Конечно, Саймон всё время был рядом. Они встречались почти каждый день, и он говорил с ней, поддерживал и утешал. Но когда Сай уходил, ей становилось ещё тяжелее. Кея утешала себя тем, что совсем скоро – через пару недель, или от силы месяц, она будет с Саймоном, чтобы уже никогда не расстаться. Сейчас его образ постоянно преследовал её. И во снах, и в мечтаниях Кея видела его – благородный, верный, нежный. Он никогда не оставит её. Она вспоминала в мельчайших подробностях их встречи и разговоры, хранила в памяти каждый его жест, каждое движение и находила в этом невыразимую сладость. Казалось, что любить сильнее было невозможно. Конечно, ради него она преодолет себя. Она сделает всё, лишь бы любимому было хорошо!

Утро, накануне свадьбы, выдалось туманным и дождливым. Гарлетон вообще был славен своими туманами, а осенью – и подавно. Город заволокло так, что в двух шагах не было видно ничего. Кея с грустью смотрела в окно на мокрые силуэты деревьев, расплывавшиеся в тумане. Они стояли голые, пустые. Последние, ярко-бордовые листья, медленно облетали с них, исчезая в тумане. Ей до безумия хотелось улететь, скрыться, исчезнуть... Но служанки уже одевали её к свадьбе. Дядя со своим желанием пустить пыль в глаза, был просто смешон. Кея чувствовала себя разряженной куклой, из тех, на которых дети одевают весь их гардероб. Свадебное платье по последней моде было баснословно дорогим и безумно неудобным. В этом облаке кружев она чувствовала себя почти голой. Плечи были открыты, а корсет обтягивал так сильно и так больно сжимал, что она едва могла дышать. Сложную причёску с сотнями шпилек едва держала её голова, а ирзацийские каррады – большие, молочно-белые, но безумно тяжёлые, стоившие целое состояние – украшали её шею и платье.

Кея терпеливо переносила неудобства наряда. Она не хотела злить дядю. Он последние дни и так был не в духе. Иногда она слышала его шёпот: «Я бы мог выдать её замуж за Аластора или Джадоса, и зачем я повёлся на этого Рихтера?» Но не могла понять, о чём он говорит. Ясно было одно – её будущий муж почему-то перестал устраивать дядю, и она не знала – радоваться этому или нет.

Наконец служанки закончили одевать её.

– Госпожа, взгляните в зеркало. – Кея обернулась. На неё смотрела девушка – прекрасная, свежая, даже ослепительная, но какая-то чужая. Она не узнавала себя в этом отражении. Хотя Саймону, наверное, понравилось бы... Кея иногда видела, что вкусы у Сая не совпадали с её, и от этого было немного больно. Но это всё лишь потому, что он нигде не учился. Его приёмный отец считал, что учёба – ненужная трата времени и денег. Кею всегда это возмущало до глубины души. Они часто говорили с Саем о его дворянском происхождении. Он рассказывал ей то, что знал про своих родителей. Они умерли, когда ему едва исполнилось два года, от

эпидемии. И лишь после их смерти выяснилось, что имение заложено, а сами они задолжали огромные суммы. Разыгрался скандал, и Саймона, от греха подальше, забрали очень дальние родственники, державшие в столице мясную лавку, а потом и усыновили его, наградив своей фамилией. Они считали, что уж если денег на его содержание не осталось, то мальчик должен приносить пользу, а не учиться. И Кея рассказывала ему в детстве, что могла. Приносила книги с большими картинками, а позже и учебники. Саймон – дворянин, и он должен помнить своё происхождение и отличаться манерами и этикетом. Так ей в детстве говорила о дворянах гувернантка, и Кея запомнила это и потом передала своему другу.

– Келинда, ты готова? Идём быстрее. Экипаж ждёт, – дядя вошёл в комнату, нетерпеливо постукивая тростью. Кея вздохнула – воспоминания о Сае опять отозвались болью в душе, потом отвернулась от зеркала и, подойдя к дяде, положив свою руку на его ладонь. Ему надлежало исполнять роль отца в свадебной церемонии.

Экипаж ехал медленно, с трудом пробираясь по туманным улицам. Когда они прибыли на место и лакей открыл дверцу, Кея на минуту оторопела от количества гостей, съехавшихся на торжество. Она почти никого здесь не знала, но зато они все прекрасно знали дядю и, едва завидев, кланялись ему. Неужели все они прибыли на её свадьбу? В глазах потемнело от волнения, в горле пересохло. Захотелось убежать и никогда больше сюда не возвращаться. Но как же Сай? Она должна, ради него! Кея подала свою руку дяде и сделала первый шаг, потом ещё и ещё. Где-то там уже ждёт её жених. При этой мысли стало ещё страшнее и захотелось, чтобы всё как можно быстрее закончилось.

Они вошли под своды залы свадебной канцелярии. Потолка не было видно – он терялся где-то высоко над головой, опираясь на огромные колонны, украшенные затейливой резьбой. Витражные окна создавали приятный полумрак. Посредине залы на полу белой мозаикой был выложен круг. На него сверху, из-под потолка одиноко падал луч света. Зала была полна народа. И гости всё прибывали и прибывали. Наверное, она строилась в те времена, когда на каждую свадьбу собирался весь Гарлетон. Но сейчас такие торжества стали редкостью.

Кея молча шла, под руку с дядей. Гости расступались, оставляя свободную дорогу к кругу в центре залы. Все взгляды были устремлены на неё. Кея чувствовала себя голой. Она неуютно ёжилась, краснела и радовалась тому, что пышная вуаль скрывает её лицо. Наконец, они подошли к кругу. С другой его стороны стоял жених под руку с его дядей – лордом Эрдариусом. Голоса стихли. В зале воцарилась тишина.

– Жених и невеста, войдите в круг, – вдруг раздался мужской голос. Кея вздрогнула. Она знала, что в свадебной канцелярии церемонию проводит служащий, но голос застал её врасплох. Она поискала его глазами – и, правда, мужчина средних лет, с натянутой улыбкой на тонких губах, в белом фраке, стоял за столом в углу залу. В руках он держал бумаги (наверное, брачный договор – догадалась Кея) и равнодушно смотрел на собравшихся.

Она сделала шаг в круг. Мистер Рихтор тоже шагнул навстречу ей. Кея не смотрела на него, чувствуя, как заливается краской. Скорей бы это мучение закончилось! Как она мечтала пойти под венец с Саем... Служащий, тем временем, забубнил:

– Дорогие гарлетонцы, мы собрались здесь в такой прекрасный день, чтобы присутствовать на церемонии...

Кея не слушала его. Она рассеянно рассматривала белую мозаику круга и чуть не вздрогнула, услышав:

– Мистер Рихтер, согласны ли вы взять в жёны Келинду Гарстон? – Церемония началась. О, пусть бы он сказал нет! На долю секунды Кея замечталась об этом, но потом твёрдый голос её жениха развеял все грёзы:

– Согласен.

– Келинда Гарстон, согласны ли вы выйти замуж за Грегора Рихтера?

О, Творец! На мгновение она закрыла глаза и представила, как говорит «нет», но Саймон... Она вздохнула, и напряженно ответила:

– Согласна.

– Поднимите ваши правые руки, откройте ладони и соедините их.

Кея знала, как совершается свадебная церемония, поэтому ничего необычного в этой просьбе не было. Но она всё равно затрепетала, как раненая птица, когда её ладонь соприкоснулась с ладонью жениха. Его рука была шершавая и тёплая. Они соединили ладони, и луч света переместился на их руки. Кея испытала странные чувства, стоя в круге света ладонь к ладони неизвестного дотоле человека. Она украдкой подняла глаза на своего жениха и тут же опустила – его выражение лица показалось ей очень странным. Но, может быть, он всегда был таким. Она ведь видела его первый раз после бала.

– Поздравляю. Вы теперь муж и жена. Подойдите сюда и поставьте свою подпись, – скучный голос служащего разорвал какое-то хрупкое волшебство, которому не было даже названия. Новоиспечённый муж подал Кее руку. Она с трепетом положила на неё свою, радуясь, что не надо снимать вуаль. И они вышли из круга. Свет, падающий на круг, померк. Гости зашумели и начали выходить на улицу. Неужели это всё? А где же клятвы верности? Кея представляла свадебную церемонию несколько иной. Она знала, что в прежние времена люди венчались на брак. То было совсем другое время. Тогда не было разводов, а сейчас неофициально за деньги любой муж или любая жена, имея на руках бумаги, может прийти и развестись со своей половиной. И почти весь Гарлетон рано или поздно пользовался этим правом. Но в прежние времена было по-другому. Нет, сейчас, конечно, тоже некоторые романтики уезжали из Гарлетона в далёкие провинции, туда, где можно было обвенчаться, но она даже не стала заикаться об этом. Правда Саймона она обязательно уговорит уехать туда. У них должна быть самая лучшая свадьба на свете!

Кея поставила свою подпись под брачным договором и свидетельством о браке. А потом, под руку с мужем вышла из залы. Ей было новы и необычны все ощущения, она прислушивалась к ним и не сразу заметила в толпе крестьян, что собрались у ворот свадебной канцелярии, Саймона. Благо он был почти на голову выше всех и стоял так, чтобы она могла его видеть. Их глаза встретились, и она увидела неприкрытое восхищение в его взгляде. Она радостно улыбнулась в ответ, но потом взгляд её упал на скрещенные руки Сая. Он скрестил их на груди, и правая рука лежала поверх левой. Кея чётко видела, что он показывал два пальца, сложенных вместе. Когда-то давно, они придумали систему знаков, по которым можно было понять, что им надо увидеться или поговорить. Два пальца означали, что Саймон хочет срочно встретиться. Но как она это осуществит? И что случилось? Она взглядела в лицо Сая. Толпа толкала её, муж аккуратно, но настойчиво звал за собой. Но она смотрела только на любимого. Он был чем-то очень расстроен. Что же ей делать?

Толпа оттеснила их с мужем от Саймона, и она позволила увести себя и усадить в экипаж, который направился к дому дяди. Он устроил роскошный пир, на котором просто обязаны были присутствовать муж и жена. Вот он – шанс! Кея не могла дождаться, пока экипаж доберётся до ворот дядино дома. Ей всё казалось, что он едет очень медленно. Она почти не обращала внимания на мужа, сидевшего рядом. Все мысли были заняты только Саймоном. Когда они вышли из кареты, и муж бережно повёл её в дом, она дождалась, пока он усадил её на место, во главе огромного стола, рядом с ним и дядей, а потом, набравшись смелости, попросила:

– Мистер Рихтер, можно я выйду ненадолго? У меня болит голова.

– Конечно, – голос у него был приятный и глухой, а его взгляд, который Кея поймала на себе, почему-то заставил покраснеть. – Может быть тебя проводить?

– Нет, спасибо. Я скоро вернусь.

И она выпорхнула из-за стола под недовольным взглядом дяди. Была бы его воля – он бы не отпустил её никуда. А если дядя расскажет мистеру Рихтеру про Саймона, и он запретит им переписываться? Эта мысль обожгла, как огонь, заставив её сжаться от страха. Нет. Она сама расскажет через какое-то время мужу всё, как и собиралась. И он, конечно, отпустит её с миром.

Она бросилась бегом к Влюблённым Навсегда, надеясь, что её отсутствие в общей суматохе пройдет почти незамеченным. Запыхавшись, она, наконец, добежала. Туфли жали до кровавых мозолей. Под деревьями уже ждал её Саймон.

– Ты пришла, наконец-то! Какая ты красивая!

Кея зарделась от похвалы. От бега она тяжело дышала, и каждый вздох давался с трудом – корсет немилосердно давил на рёбра.

– Что случилось? – Отдышавшись, спросила она. Они виделись с Саймоном позавчера. И никаких новостей тогда не было.

– Мужайся, дорогая. Твой дядя захотел удалить меня от вас. Видно, испугался, что ты наделаешь глупостей, – Саймон горько улыбнулся. – Мне пришло письмо с дальних границ нашей необъятной страны. Не позднее, чем завтра утром, я должен отправиться туда на воинскую службу, на год.

– На год? – Кея почувствовала, как всё внутри неё перевернулось. Год прожить с нелюбимым чужим мужем! Целый год до побега с Саем! Это так жестоко! Она зарыдала, громко всхлипывая.

– Ну полно. Полно. Нас могут услышать. – Саймон гладил её по волосам, успокаивая. – Не печалься, дорогая. Я буду писать тебе каждый день. А если что-то случится – напиши мне и я приеду, сбегу со службы, лишь бы быть рядом с тобой.

– Я не выдержу, Сай! Я сойду с ума, – всхлипывая, повторила Кея.

– Не сойдёшь. Всё будет хорошо. Только не плачь!

– Знала бы, что так будет, никогда бы не вышла замуж, никогда! Надо было сбежать с тобой, Сай! – Кея взяла его руку в свою и, откинув вуаль, красными от слёз глазами, проникновенно посмотрела на него, а потом горячо продолжила. – Почему ты такой жестокий? Почему не позволил мне убежать с тобой?

– Ну... Кея... – Саймон растерялся. Потом перевёл разговор. – Тебя, наверное, уже хватились. Надо идти.

– Но я не хочу! Я хочу остаться с тобой!

– Ты же знаешь, что это невозможно. Любимая, иди! Я всегда буду рядом, – и Саймон нежно поцеловал её в голову.

– Я постараюсь, Сай, ради тебя! – Кея вздохнула и вытерла слёзы. Надо было идти, хотя сердце заходило от страха и боли. Потом сняла фату и вытащила шпильки из причёски, позволив волосам лежать так, как они этого хотят. Надо же было чем-то оправдать такое долгое отсутствие. Она выбежала в сад. В мокром тумане издали было видно красные, как кровь, поздние розы. Они подходят сейчас под её настроение. Кея сорвала несколько роз. Одну вплела в волосы, другие приколотла к платью, потом умылась из небольшого фонтана и уже спокойно, медленными шагами, пошла к бальной зале.

Она почти не запомнила, о чём говорили на празднике, и какие тосты поднимал дядя. От новости Саймона было так страшно и плохо, что она не знала, куда деваться. Уже, наверное, было далеко за полночь, а гости всё не расходились. Вино лилось рекой, дядя, уже изрядно захмелевший, всё желал и желал им счастья, правда, каким-то злым голосом. Кея видела это всё как в тумане. Она хотела спать, но страшилась нового дома и собственного мужа. А он, кажется, заметил, что она чувствует себя не в своей тарелке.

– Келинда, ты плохо себя чувствуешь? Не прошла голова? Может быть, уедем? – Обеспокоенно спрашивал он, наклоняясь к ней. От него совсем не пахло вином, а бокал стоял рядом,

даже не пригубленный. Кею успокаивало это, но она представляла, что окажется одна в чужом доме, наедине с ним и отчаянно мотала головой.

– Нет, всё нормально. Я просто устала.

Но, бесконечный праздник всё же закончился. Гости начали разъезжаться. Дядя подошёл к ней, обнял и пожелал счастья, потом что-то сказал её мужу, и попрощался с ними. И опять Кея тряслась в экипаже. Страх снова завладел ей. Скорее бы этот бесконечный день закончился! О, скорей бы!

Они приехали. Кея смутно разглядела в темноте громадину старинного дома. Ни в одном окне не светился огонёк. Дом был как будто нежилым, и от этого казался ещё мрачнее. Муж открыл перед ней дверь ключом, пропустил её и вошёл следом. Она услышала, как щёлкнула дверь, отрезая все пути к отступлению.

Мистер Рихтер зажёл свечи, взял подсвечник и повёл её куда-то вверх по большой старинной лестнице. Кею трясло от страха, ноги заплетались. Она спотыкалась о подол свадебного платья. Муж поддерживал её. Может быть, он что-то говорил, она не помнила и не слушала. Ей было страшно. Наконец он привёл её к двери какой-то комнаты.

– Келинда, ты, наверное, очень устала. Отдыхай. Это твоя комната. И не бойся. Ты здесь теперь полноправная хозяйка. – Кея скорее почувствовала, чем увидела, что он улыбается. – Если что-то надо – зови меня, или служанку. Мадам Берс – добрая женщина. Она поможет тебе разобраться во всём. Я, надеюсь, скоро ты привыкнешь и освоишься здесь.

Муж подал ей одну свечу, чтобы она зажгла остальные у себя в комнате, пожелал ей спокойной ночи, и ушёл. Кея видела, как удалялось пятно света, слышала его шаги. А когда они затихли в ночной темноте, юркнула к себе в комнату, закрыла задвижку на двери и, упав на кровать, разрыдалась.

Глава 5

Всю неделю, оставшуюся до свадьбы, Грегор ходил как в тумане. После подписания брачного договора, который дядя с таким трудом выбил у Друфарса, он решил, что дольше тянуть нельзя, и известил мадам Берс о скорой свадьбе, а так же письмом – немногих дальних родственников. Домоправительница, поохав для порядка, тут же бросилась чистить и скоблить дом к приезду новобрачной, пожелав ему счастья от всего сердца. Родственники ответили, что приедут на свадьбу. Теперь надо было готовиться ему.

Грегор нервничал так, будто решалась его судьба, хотя всё вроде бы было уже решено. Он то принимался за свои записи и свитки, то бросал их, то снова садился писать. В ночь перед свадьбой он не мог сомкнуть глаз. Дядя, догадываясь о его состоянии, сам заказал ему парадный костюм на свадьбу и взял на себя решение всех бытовых вопросов. Грегор был ему за это безумно благодарен. Но дядя сделал для него ещё больше – он предложил заменить на свадьбе отца, и Грегор не знал, как его отблагодарить.

Наконец, наступил день свадьбы – туманный и мокрый. Они с дядей приехали на церемонию заранее и видели, как одна за другой подъезжали богатые кареты с гостями. Их старенький экипаж терялся на фоне роскоши, а в нём самом никто не узнал бы счастливого жениха. Грегор не знал, почему, но сердце точила какая-то странная печаль. Он был чужим для всей этой роскоши. Дядя увидел знакомых и отошёл поговорить с ними, а Грегор стоял, у стены свадебной залы, волнуясь и краснея, ожидая появления Келинды.

– О, Грег! Вот ты где! – Грегор обернулся. Перед ним стоял Элси – профессор академии древних языков. Они часто пересекались на научных диспутах, но дружба у них не завязалась. Грегор знал, что его считают чудачком не от мира сего и не желал это мнение опровергать. Да к тому же, Элси, наверное, завидовал ему. Он не имел состояния и вынужден был с утра до ночи учить непослушных и избалованных студентов академии, вместо того, чтобы заниматься любимыми науками. – Ты у нас сегодня жених! Поздравляю! Я-то думаю, почему Рихтер никак не женится, а ты себе, оказывается, невесту растил. Девочка хороша! И состояние у неё что надо. Ты умеешь сливки снимать, однако, – и Элси подмигнул ему. Грегор поморщился, вспомнив, мимоходом, что почти все профессора были уже женаты, и, как правило, неоднократно. Он на их фоне выглядел действительно странно. – Только вот знаешь, невеста твоя слишком уж молода. Я бы поостерёгся, а то ещё рога наставит, – последнюю фразу Элси сказал совсем уж злобно.

Грегор промолчал и отвернулся от него, чувствуя свою беспомощность, как всегда в таких ситуациях. Дядя сейчас нашёл бы меткое слово, да такое, чтобы этому профессору вовек не захотелось зубоскалить. Но пока он придумывал достойный ответ на эту мерзость, Элси уже ушёл куда-то, и Грегор вздохнул с облегчением.

Наконец, все гости собрались, и в зале воцарилась тишина. Он поднял глаза и увидел свою невесту, впервые, со встречи на балу. Она была прекрасна, но какой-то неестественной красотой. У Грегора сжалось сердце, когда Друфарс с гордым видом вёл её, раздетую в пух и прах (проклятый губернатор не упустил возможности пустить пыль в глаза) и такую беззащитную. Ему захотелось распустить всё это сложное плетение волос, а на плечи накинуть плащ, ведь сотни человек пожирали её глазами. Но Грегор сдержался. Когда началась церемония, он медленно вошёл в круг. А в голове была одна мысль – защитить её, спрятать, увезти. Скорее бы это закончилось!

Наконец, они подписали свидетельство о браке, и вышли на воздух. Грегор не видел лица невесты (Нет! Теперь уже жены!) – она так и не сняла фату, но чувствовал, что она растеряна, испугана и расстроена. Скорей бы увезти её домой, где она будет полноправной хозяйкой! Но Друфарса и гостей нельзя обижать. Когда он заикнулся об этом дядюшке, тот сурово сказал,

что они должны присутствовать на свадебном пиру, иначе от слухов вовек не отмоешься. И Грегор подчинился. Он видел, как тяжело было Келинде, как она то краснела, то бледнела, а потом попросилась выйти – у неё болела голова. Ещё бы! У него тоже начинала болеть – от духоты, пьяных возгласов и тостов. Когда этот пир всё-таки закончился и он, распрощавшись со всеми, усадил свою жену в экипаж, то вздохнул свободно.

Но Келинда как будто испугалась ещё больше. Он с жалостью смотрел, как она, пока ехали в экипаже, даже не отдавая себе отчёта, сжимала подол платья, пока один из каррадов не оторвался и не закатился куда-то под сидения. Почему она его боится? Неужели он так страшен? Или, может быть, она всё же не по своему желанию вышла замуж, а дядя принудил её? Грегору хотелось прижать её к себе, успокоивать, и гладить по голове, до тех пор, пока она не уснёт у него на руках. Но это бы только оттолкнуло её.

Вздохнув, он вышел из экипажа и подал Келинде руку. Она опёрлась на неё, и он, поддерживая жену, повёл её в дом. Мадам Берс, наверное, спала. Он приказал не ждать их возвращения. Найдя свечу, Грегор зажёл её и, взяв подсвечник, повёл Келинду на второй этаж. Он чувствовал, как она боится, спотыкаясь о ступени в темноте и путаясь в своём широком платье. Боится его! Грегор думал, что этот день будет самым счастливым в его жизни, но день оказался окрашен грустью. Нет, конечно, она обязательно привыкнет к нему и перестанет бояться. Главное, что она рядом. Завтра же он скажет ей, как сильно её любит и что не обидит ничем. Но сейчас пора спать. Он открыл перед женой дверь в комнату и отдал свечу. Потом попрощался и пошёл в библиотеку. Спать не хотелось, совсем. Да и до утра оставалось всего пару часов. Может быть, сегодня записи из Ирзади приоткроют для него свою тайну? Грегор зажёл свечи в библиотеке и сел за стол. Наверное, несколько часов ему ещё удастся поработать.

Едва забрезжил рассвет, Кея встала с кровати. Она почти не спала и чувствовала себя усталой и разбитой. Стоило ей задремать, как перед глазами вставал Саймон, которого убивали на воинской службе, Саймон, который убежал, уходил, и как она ни кричала – не возвращался. Она с трудом вспомнила, где находится, и запоздалый страх опять овладел ей. Интересно, который час? И где её муж? О, хорошо бы он уехал куда-нибудь, и она получила бы возможность побыть здесь одной и привыкнуть...

В спальне было темно, только одинокий солнечный лучик пробивался сквозь закрытые ставни. Она подошла и распахнула их. В комнату ворвался прохладный и влажный осенний воздух. Ярко светило солнце, тумана не было и в помине, как будто снова вернулось позднее лето. Кея пожалела, что не может сейчас выйти и прогуляться – настолько красивый вид открывался из окна. Она видела сад с вечнозелёными игами – деревьями, росшими только в Ирзади. Надо же, кто-то привёз их сюда, и они даже прижились! Алые розы блестели на солнце каплями росы, выглядывая из поздней зелени. Вдалеке она разглядела аллею буков, сплетённых ветвями, а за ней – пруд и старую беседку. Как хорошо было бы сейчас убежать туда и посидеть немного, собравшись с мыслями! Но нет. Теперь она жена! Кея вздохнула и принялась одеваться. Карета с её вещами прибудет сегодня – так обещал дядя. С собой же у неё сейчас было только самое необходимое.

Одевшись, Кея с трепетом открыла задвижку, и вышла в коридор. Днём этот дом выглядел вовсе не мрачным или страшным, не таким, каким показался ей вчера. Она не знала, куда идти, поэтому выйдя из спальни, через несколько шагов остановилась в растерянности. Вдруг дверь перед ней распахнулась, и оттуда вышла пожилая женщина с тряпкой в руке. Увидев её, женщина замерла, а потом улыбнулась во весь рот.

– Миссис Рихтер, добрый день! Как спалось? Меня зовут Берс, мадам Люсинда Берс. Я здесь исполняю обязанности домоправительницы уже много лет. Хотите, покажу вам дом? Или прикажете подать вам завтрак? Профессор сказал, чтобы вы ни в чём себе не отказывали, –

профессор? Кея не сразу поняла, что речь идёт о её муже. Она зарделась, а потом всё же спросила:

– А где же он сам?

– Конечно в библиотеке, где же ему ещё быть? Всё сидит, записи свои читает.

– А вы не покажете мне, по пути в столовую, где библиотека? – спросила она и опять покраснела, сама не зная почему.

– Конечно, дорогая. Сейчас, – домоправительница положила тряпку, вытерла руки о передник и отправилась вперёд по коридору, позвав её за собой. Кея шла, разглядывая старинные обои и картины. Дом выглядел более уютно, чем дядин. Здесь не было ненужной роскоши на каждом углу, а предметы искусства удачно сочетались с интерьером. По пути мадам Берс объясняла, что здесь вход в столовую, а там – кухня или чёрный ход. Наконец, они остановились возле приоткрытой двери. – Вот здесь библиотека, милая.

– Хорошо. Оставьте меня, пожалуйста. Я хочу немного сама побродить по дому.

– Конечно, – мадам Берс улыбнулась. – Я, с вашего позволения, побегу. У меня ещё очень много дел. Если что-то понадобится – позовите меня, или позвоните в колокольчик. Если захотите завтракать – спускайтесь в столовую. Там всегда можно кого-нибудь найти.

И мадам Берс ушла, скрывшись в лабиринте из комнат. А Кея опять почувствовала себя одинокой и растерянной. Для чего этому дому хозяйка? Эта добрая и сильная женщина прекрасно справляется со своей ролью. Кея вздохнула и повернулась в сторону столовой. Теперь она знает примерное расположение комнат в этом доме. Сейчас она немного перекусит, а потом... Она не знала, что будет делать потом. Она взяла бы почитать книгу, если бы не боялась зайти в библиотеку. Ей казалось, чем меньше она видит мужа, тем лучше. Кея понимала, что не сможет весь год от него прятаться, но ничего не могла с собой поделать.

Она прошла мимо библиотеки, но соблазн заглянуть туда был так велик, что она не удержалась. Благо дверь была раскрыта достаточно широко. Библиотека была огромной – стеллажи книг уходили вглубь комнаты (хотя она бы назвала это залом) и ввысь. Она никогда не видела столько книг в одном месте. А сбоку сиротливо притулился стол из красного дерева. Он тоже был весь завален книгами и свитками. За ним, уронив голову на руки, спал её муж. Луч света из одинокого окна под потолком, падал на него, освещая высокий умный лоб, прорезанный уже первыми морщинами, взлохмаченные волосы и странные смешные очки, съехавшие на нос. Он даже не переоделся после вчерашнего торжества, и фалды фрака свисали на пыльный пол. Кея вдруг почувствовала к нему острую жалость. При свете дня муж не казался таким уж страшным. Она видела лишь усталого измученного человека. Ей захотелось подойти и сделать что-нибудь хорошее, как-то помочь ему. Но он вдруг пошевелился и громко вздохнул. Кея испугалась, отпрянула от двери и бросилась по коридорам в столовую. Ведь он же не видел её!

Грегор пошевелился, просыпаясь. Он не сразу вспомнил, что заснул в библиотеке, как это довольно часто случалось, и вытянул руки. На пол, со звонким стуком, упал какой-то предмет. Наверное, чернильница. Шея болела, спина затекла. Глаза открывать не хотелось. Он ещё немного посидел так, жмурясь от яркого солнца, проникавшего через окно, а потом, со вздохом, всё-таки открыл глаза и встал из-за стола. Что случилось? Почему он опять заснул в библиотеке? И что это на нём надето? Грегор не сразу вспомнил, что вчера был за день, а вспомнив, почувствовал горечь и радость одновременно.

Он подошёл к двери, которая почему-то была приоткрыта, и позвонил в колокольчик, висевший на стене. Появилась служанка, другая, не мадам Берс.

– Грета, а миссис Рихтер ещё спит?

– Нет, господин. Хозяйка позавтракала в столовой и отправилась посмотреть парк.

– А, хорошо, – Грегор не знал почему, но слышать это было немного больно. Хотя он сам дал ей свободу. Ничего, она просто дичится его, и, рано или поздно, привыкнет. В конце

концов не ждал же он, что такая юная и прелестная девушка сразу ответит на его чувства? Она ведь ничего не знает, а он... Он стеснялся её. Признаться жене в том, чему он сам ещё не дал названия и что со священным трепетом боялся даже произносить, было невозможно тяжело. Он думал до свадьбы, что это будет легче, намного легче... – Я сейчас тоже спущусь в столовую, прикажи разогреть завтрак. – Сказал он служанке. Она убежала, а он медленно направился к столовой.

После завтрака Грегор решил прогуляться. На свежем воздухе думалось легче. Он принялся вчера за расшифровку надписей из Ирзади, и несколько слов уже смог прочесть. «Мы – драконы северного королевства...» Самое трудное уже позади – дальше всё пойдёт как по маслу. Только он плохо представлял себе, чем будет заниматься после расшифровки? Кроме этих записей, никаких следов драконов почти не осталось в Айларии. Где тогда искать причины их исчезновения, если в записях не будет этого отражено? И нужно ли ему оно?

Задумавшись, Грегор почти уткнулся лицом в резную колонну беседки. Он поднял глаза. На скамье с мечтательным выражением лица сидела его жена. Увидев его, она вздрогнула, улыбка тут же сошла с её губ. Неужели он так страшен?

– Доброе утро, Келинда! – Он улыбнулся. Записи были забыты.

– Доброе утро, – она замялась, видимо, не зная, как назвать его, а потом всё-таки продолжила. – мистер Рихтер.

Мистер Рихтер? Неужели он будет слышать это от жены каждый раз?

– Зови меня Грегором.

– Хорошо, – она покраснела, а потом добавила. – А вы меня тогда – Кея. Я не люблю, когда меня называют полным именем.

– Кея... Как красиво звучит... – Грегор вошёл в беседку и присел на скамью с другого конца. Он не знал, что хотел сказать и зачем подошёл к ней. Все слова, вертевшиеся на языке, вмиг забылись. Он сидел и смотрел на неё. Как она прекрасна! В этом милом голубом платье и с распущенными по плечам локонами, Кея выглядела во сто крат лучше, чем в пышном свадебном наряде. Он вздохнул, возвращаясь к реальности. Жена сидела молча, не поднимая на него взгляда, и теребила подол платья. – Кея, ты на самом деле полноправная хозяйка в этом доме. Я не неволю тебя. Если тебе скучно – ты можешь выехать в город или отправиться в гости к дяде. Любые книги в библиотеке, любые цветы в оранжерее в твоём распоряжении. Я прикажу мадам Берс выдать тебе ключи от всех комнат в доме. Если что-то будет ещё нужно – скажи мне. И, я думаю, ты не против того, чтобы я гулял по этой аллее? Просто беседка – моё любимое место для размышления.

Грегор вопросительно посмотрел на жену и поправил очки. Он словно оправдывался перед ней, чувствуя себя виновным в её плохом настроении.

– Нет, конечно, непротив, что вы! – она смутилась и так странно посмотрела на него, что он не нашёл слов для ответа, а потом продолжила тихим голосом. – Благодарю вас!

Они посидели вместе ещё немного, и когда молчание уже стало неловким, Грегор поднялся со скамьи и направился к дому, не желая мешать жене. Там его опять приняла в свои объятия библиотека, и он до ночи сидел над пыльными манускриптами и свитками.

Глава 6

Прошла неделя после свадьбы, и Кея с удивлением почувствовала, что постепенно привыкает к своей новой жизни. После той встречи с мужем в саду, в первое утро в этом доме, страх постепенно начал её покидать. И ещё тогда же её посетила странная мысль – а что, если мистер Рихтер (ей тяжело было пока ещё звать его Грегором, как он просил) женился на ней не из-за богатства или просьб дяди. Что если... Кея вспомнила, как странно он посмотрел на неё тогда в беседке. Она бы сказала – нежно. Сай никогда не смотрел на неё так. Но ведь такого не может быть, чтобы этот странный чудаковатый сорокалетний профессор любил её? Но эта мысль не давала ей покоя, и Кея безотчётно начала внимательней присматриваться к своему мужу. Её поразило, как он спрашивал позволения у неё гулять по аллее, по его алее! Тут было что-то странное. Настолько странное, что она терялась.

Тогда же, на следующий день ей захотелось проверить – действительно ли то, что он говорил про свободу – правда. Она приказала подготовить экипаж, сама ещё не зная, куда поедет. Подруг у неё не было, а дядю видеть совсем не хотелось. И тогда она решила отправиться в центр, заглянуть в лавочки, купить пару мелочей, а потом заехать на почту и отправить письмо Саймону.

После свадьбы прошло совсем немного, а прежняя жизнь, казалось, отодвинулась от неё в неизмеримую даль. И тем нужнее ей сейчас был Сай, который один только мог утешить и вернуть на место путающиеся мысли простым поцелуем руки. И Кея была очень счастлива, когда ей доставили письмо от него. Первое письмо в новой жизни. Сай писал ей ещё из города, перед отъездом в гарнизон. Весёлое и письмо, написанное в шутовском тоне. Он пытался приободрить её. Она наскоро написала ответ и решила лично отвезти его на почту. Никто не оставил её, когда Кея садилась в экипаж. Кучер был немногословен и безупречно вежлив. Но, оставив экипаж в центре, прогулявшись по лавочкам и отправив письмо, она поняла, что здешняя суета ей совсем не нравится. Она никогда не любила гулять по Гарлетону с его бойкими торговками, фокусниками, попрошайками и хитрецами всех мастей.

Вернувшись в усадьбу мужа, которая стояла на окраине Гарлетона, уединившаяся, казалось, ото всех, Кея почему-то вздохнула с облегчением. Следующей непростой задачей было взять книгу из библиотеки. Ведь там находился её полноправный хозяин. Но Кея скучала. Она не знала, чем себя занять. Вышивать она не любила, писать дневники или мемуары – тоже, рисовать не умела. Оставались только книги. И, однажды, на исходе первой недели, она набралась-таки смелости и постучала в тяжёлую старинную дубовую дверь.

– Войдите, – ответил глухой голос. Кею почему-то каждый раз он заставлял краснеть. Она зашла в библиотеку. Муж, как всегда, сидел за столом, заваленный книгами и свитками. В этот раз его фигуру с трудом было видно за книгами. Что же он исследует? Она всегда с каким-то благоговением относилась к книжной премудрости. Ей казалось, что любой исследователь достоин уважения. Но она постеснялась спросить. Не в этот раз!

– Доброе утро, Грегор! – Он поднял голову и поправил очки, потом машинально пригладил непослушные волосы и улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, так, что Кея даже смутилась.

– Доброе утро, Кея! – Его «Кея» звучало как перезвон колокольчиков на ветру, как будто он пропевал её имя, а не произносил. Она смутилась ещё больше и отвернулась. Его взгляд и улыбка... – Ты что-то хотела? Не бойся, спрашивай!

– Я... Я хотела взять что-нибудь почитать, – наконец, справилась она со смущением.

– А что именно?

– Ну. Я не знаю, – она снова смутилась. – Какие-нибудь романы.

Она побоялась произнести слово «о любви».

– Романы... Сейчас-сейчас... Кажется что-то такое читал мой отец. Я просто так давно не смотрел ничего, кроме того, что нужно мне для моей работы, что даже не помню, где они лежат. Пойдём, поищем, – муж встал, уронив пару книг, которые упали с громким стуком на пол. Кея, не отдавая себе отчёта, зачем она это делает, бросилась их поднимать. Грегор тоже наклонился за книгами. Их руки соприкоснулись, как тогда, на церемонии. Кея отпрянула. Ей почему-то захотелось убежать, но она пересилила себя. Когда муж поднялся, положив книги на место и пошёл, наконец, искать романы, она всё-таки отправилась за ним. Они плутали между книжных шкафов, наверное, минут десять, прежде чем Мистер Рихтер воскликнул:

– О! Вот они, наконец! Кея, – он обернулся, улыбаясь. – Вот книги, которые ты, наверное, искала. Бери и читай. И заходи в любое время за новыми.

– Спасибо, – она почувствовала себя неловко, но не знала, что ещё можно сказать, поэтому просто вытащила первый томик наугад и...зачиталась. Наверное, только через полчаса она, ругая себя, смогла оторваться от книги. Ну что такое, в самом деле! Забрав книгу с собой, она поспешила к выходу из библиотеки. Наверное, муж ждёт её или ищет. Она ведь увлеклась так, что совсем забыла про него. А это невежливо. Но Грегор обнаружился опять за столом. Он вдохновенно что-то писал в тетради, не замечая ничего на свете. Кея тихо, как мышка, прошмыгнула мимо него, стараясь почему-то не потревожить, словно это было жизненно важно. Грегор даже не обернулся.

Всю следующую неделю Кея почти каждый день приходила в библиотеку, здороваясь с мужем, и быстренько пробиралась к заветным шкафам с романами. Она прочитывала их за пару дней, но так и не находила ответы на невысказанные вопросы, томившиеся в душе. Героини этих романов – сплошь прелестные девушки, а герои – шикарные кавалеры, лорды и герцоги Аррании, все как двойники похожие на Саймона с его манерами и галантностью. Выданных замуж девиц, всегда спасал такой отважный кавалер от злого и ужасного деспота-мужа, обычно старика. И по сюжету казалось всё очень просто и правильно. Но её муж, как она уже успела убедиться, не был ни деспотом, ни тираном. После каждого письма Сая, в Кее крепла уверенность поговорить с ним откровенно, рассказать всё и попросить разрешения дожидаться любимого со службы, а потом разорвать этот фиктивный брак, но... она не могла.

Однажды она сидела в беседке с очередным романом. Стояли последние тёплые дни поздней осени. Зима в Гарлетоне никогда не лютовала, впрочем, как и во всей южной части Аррании, но всё равно была грязной, мокрой и холодной. Кея не любила зиму, и сад и беседка приглянулись ей именно потому, что здесь ещё бродил отголосок лета. Вечнозелёные растения, радовали глаз, выступая из обильного тумана, а гроздья тарии – маленьких синеватых и вяжущих рот ягод, свисали почти до самой земли. Совсем скоро Кея уже не сможет гулять здесь. Землю укроет холодным снежным покровом, который превратится в грязную слякоть, потом опять в снег и так по нескольку раз в неделю, всю зиму. Поэтому она наслаждалась последними деньками для прогулок, и совсем не удивилась, когда на дороге, увлечённо беседующий сам с собой, появился её муж. Кея перестала вздрагивать от его появления. Она уже почти не испытывала страха перед ним – муж казался ей самым безобидным человеком, из всех, которых она знала. Но тем более сложная стояла перед ней задача. Кея вздохнула, наверное, достаточно громко. Мистер Рихтер обернулся.

– Доброе утро, Кея, – его улыбка и глухой голос каждый раз приводила её в смущение. Она опустила глаза.

– Доброе утро, Грегор, – всё-таки она научилась называть его по имени, почти не краснея от этого. А потом всё-таки набралась смелости и спросила. – О чём вы так увлекательно разговариваете сам с собой?

Муж смутился и поправил очки своим обычным жестом. Кее на минуту стало совестно – она не хотела его дразнить. Ей, правда, было интересно.

– Я исследую записи из пещер Ирзади, – всё-таки ответил он.

– А что за записи?

Мистер Рихтер вздохнул, потом присел рядом и начал рассказывать. Кея слушала, затаив дыхание.

– Ты, наверное, знаешь, что в Айларии раньше жили драконы. И здесь в Аррании и на севере в Ирзади и даже в Илдоне. Они были мудры и делились с людьми своими знаниями. Но уже как два столетия они исчезли. Их больше никто и никогда не видел. Что это было – неизвестно. Может быть, какая-то болезнь или катастрофа, может быть ещё что-то. Предположений – масса. Но, насколько они близки к истине – нельзя узнать до тех пор, пока не прочтены записи из Ирзади. Перед своим исчезновением, драконы оставили записи на стенах, в пещерах Ирзади. Там, предположительно, обитала последняя пара. Никто за эти годы не мог расшифровать записи. Для них нужно знать язык драконов, а он умер вместе с ними. Я пятнадцать лет бился над изучением их языка. И, кажется, сейчас могу уже начать расшифровку, – Кея посмотрела на мужа с уважением и ещё с чем-то, похожим на восхищение. Конечно, она слышала легенды о драконах, но всегда думала, что это только легенды и никто их не воспринимает всерьёз. Помнится, Сай всегда смеялся над чудачками, верящими в эти сказки. А она... Она обижалась на него, правда недолго. И тут, перед ней, человек, который смог прикоснуться к тайне. Может быть, ненадолго и бесцельно. Может быть, из этого ничего не получится, но он смог.

– Но там пока совсем мало, – продолжил, смутившись Грегор. – Я смог прочитать только пару фраз. «Мы – драконы северного королевства, последние драконы – Ил'Гаро О Лоал и Айлэ'Гэр Сигинэ начинаем свой рассказ.» А дальше идёт какое-то слово, которое я никак не могу прочесть.

– А можно я приду к вам посмотреть на эти записи? – в Кее снова проснулась маленькая девочка. Тайны были так заманчивы и интересны, и ей хотелось хоть одним глазком взглянуть на них. Правда, ей было неловко, что она сама напросилась прийти к человеку, который хоть и был её мужем, но которого она знала всего лишь пару недель. Но Грегор просиял, как будто только и ждал этого, заставив Кею в очередной раз задуматься, почему он женился на ней.

– Конечно, приходи! Сегодня я вряд ли придумаю что-то путное, но завтра с утра попытаюсь использовать все догадки, какие только смогу. Может быть, что-то и получится.

Смешно сказать, но он ждал её. Его жена придёт к нему по доброй воле, просто потому что ей интересно. Наконец-то! Лёд тронулся. Грегор был рад, нет, просто счастлив! После свадьбы его иногда мучали странные сомнения и даже сожаления, но он списывал всё на юность Кеи и её наивность. В последние же дни их отношения стали ровнее. Она уже не вздрагивала от его вида или голоса и даже сама стала заходить в библиотеку. Правда совсем на чуть-чуть, лишь для того, чтобы поздороваться и взять интересную книгу. Но и приветствие в её устах звучало прекрасно. Грегор каждый раз хотел задержать её, чтобы поговорить, но не знал, с чего начать разговор. При виде жены все мысли словно исчезали, и оставалась лишь чистая радость, правда смешанная немного с грустью.

Он вздыхал, когда она уходила, и долго провожал её глазами – такую воздушную и нежную. Видеть её – это счастье, правда, счастье было слишком коротко и это причиняло ему боль. Но Грегор успокаивал себя, что рано или поздно всё изменится, что она привыкнет к нему... А пока лучше пусть так, чем вообще никак. Он представил вдруг, что в один ужасный день не сможет её видеть и испугался.

Утро было холодным и пасмурным. Полил морозящий мелкий дождь, ветер забился в ставни. Грегор встал и закрыл окно. Потом зажёл свечи. В библиотеке царил теперь приятный полумрак. Она обещала прийти...

Он разложил книги и свитки, всё над чем работал, потом начал разбирать записи. В дверь постучали.

– Войдите, – он надеялся, что это Кея, и не ошибся. Грегор не смог удержаться от улыбки, когда увидел её. Она вошла и смущённо остановилась возле двери, прикрыв её. Смущение необыкновенно шло ей, и он опять залюбовался, а потом опомнился и произнёс. – Доброе утро, Кея! Проходи.

– Доброе утро, Грегор! – Это «доброе утро» в её устах звучало как музыка. Она неловко подошла к столу и встала рядом.

– Садись, – он пододвинул ей стул. Кея села, а он постарался сосредоточиться на своих записях. Но это было так тяжело, когда рядом сидела она!

– Вот, смотри, – Грегор нашёл нужную запись и показал жене. – Это копии записей из Ирзади.

– Какие странные символы! – Она увлечённо рассматривала странную вязь на жёлтом от старости свитке. – А что они означают?

Грегор начал объяснять, попутно сверяясь с тетрадью. Кея внимательно его слушала. Неужели, ей интересно? Он даже затаил дыхание, когда она, увлечённо, дотронулась до его руки, прося объяснить следующий символ.

– Вот, начало записей, на этом свитке я расшифровал. Ты пока ещё не сможешь прочитать его, да и я с трудом это делаю. Но дальше идёт что-то совсем непонятное.

– Мы, драконы северного королевства... – процитировала начало записей Кея. Надо же, она помнила! Задумчивость необыкновенно шла ей. Она сжала губы и наморщилась. Надо лбом появилась складка. Грегор смотрел на неё, не в силах оторвать взгляд. Но только она повернулась, он, нехотя, заставил себя взглянуть на записи. – Но ведь люди сначала здороваются, а потом только представляются.

– Да, но они ведь не люди, а драконы.

– Тем более, они должны быть вежливыми. Они просто обязаны поприветствовать тех, кто будет читать их послание потом.

Грегор ахнул. Какой же он был дурак! И правда. Это слово должно означать приветствие. И ничего иного там быть не может. И как он только сам не додумался до этого!

– Спасибо! – Он сам не понял, как взял в свои руки руку Кеи и ласково пожал её. А она не отдернула её, только покраснела. – Спасибо тебе большое! Теперь можно продолжить чтение записей!

Окрылённый, он смотрел на символы и тут же читал их вслух, рассказывая жене, что они означают. Если бы большие часы над камином не пробили одиннадцать, он сидел бы так и дальше, до вечера. А Кея... Она увлечённо слушала его, заражаясь отголоском того огня, который горел в его душе. Но время... Она, наверное, голодна.

– Кея, давай продолжим в другой раз. Ты, наверное, голодна.

– Немного, – она улыбнулась, не поднимая голову. Улыбка была ей к лицу.

– Тогда пойдём в столовую. Я прикажу подать завтрак.

Грегор подал ей руку, мечтая, что она согласится. И Кея, помедлив немного, вложила свою руку в его ладонь. Он почувствовал трепет, сердце забилося сильнее, как тогда, на церемонии, когда они соприкоснулись ладонями. Он открыл дверь и повёл Кею вниз по лестнице в столовую. Теперь он был уверен, что у них ещё много счастливых дней впереди.

Глава 7

Утро, как обычно в последнее время, выдалось дождливым и мрачным, но Кее почему-то было радостно. Последние несколько дней они с Грегором занимались расшифровкой записей. После того, как она помогла отгадать слово, означавшее «приветствие», дело пошло споро, и совсем скоро они уже смогут прочесть историю последних драконов полностью. Кея не сразу заметила, что даже в мыслях назвала мужа Грегором и не почувствовала неловкость. Наоборот, ей показалось, что она имеет на это полное право, словно знает мужа уже много лет. Она не боялась теперь выходить вместе с ним к завтраку, а потом отправляться в библиотеку и заниматься книгами и драконами, как она это в шутку называла.

Грегор оказался прекрасным собеседником и интересным рассказчиком. Он столько всего знал! Кея иногда ловила себя на мысли, что в последние дни начинает даже иногда восхищаться мужем. Её больше не пугали его странные взгляды, она привыкла к его жестам и неловким движениям, а его улыбка даже нравилась ей, вызывая странную радостную дрожь. Но она боялась теперь самой себя, когда, получив письмо от Саймона, больше не бежала, ликуя как птичка, перепрыгивая через ступеньки, к себе в комнату, а медленно шла, пряча письмо в складках платья. Она боялась, как преступница, которую могли вот-вот поймать. Ей было почему-то страшно подумать о том, что муж увидит эти письма и узнает про Саймона. Кея понимала, что должна сказать ему, должна как-то намекнуть, что не питает к нему никаких чувств и надеется разорвать брак при первой же возможности, но... она не могла.

Ей никогда не было так интересно с Саймоном, как с Грегором. Они с любимым говорили о чём угодно – о шутках, о балах, передразнивали знакомых, смеялись. С Саем было весело, но любовь к нему никогда не затрагивала никаких более глубоких струн в её душе. Она не развивалась, не взрослела, не становилась лучше. А с Грегором же она могла поговорить о таких темах, которые не осмеливалась рассказать никому другому. Кея чувствовала, что будет выслушана и понята, что над ней не будут смеяться. И она спрашивала и спрашивала. Всё, что ей хотелось узнать – о мире, о стране, о законах, о давних временах и, конечно же, о драконах. Муж стал ей другом, так быстро и незаметно, что она сама не могла сказать, когда перестала его бояться, а страх сменился дружбой.

И поэтому письма от любимого теперь пугали её. О, конечно же, она любила Саймона! А как могло быть иначе? Но разве для этого обязательно лишиться дружбы Грегора? Разве они с мужем не могут быть друзьями? Разве Сай будет против?

Кея так запуталась, что каждое письмо от Саймона было мучением – ведь он не знал про Грегора, и что её муж вовсе не такой плохой, как они боялись. А с другой стороны рано или поздно она должна была, нет, просто обязана сказать мужу о том, что она задумала, или просто выкрасть бумаги и сбежать с Саем. И почему-то при мысли об этом сердце уже не замирало от радости, как тогда, до свадьбы.

– Миссис Рихтер, хозяйка! Вам письмо! – Голос служанки ворвался в привычный мир, разрушив его. Кея собиралась сейчас спуститься к завтраку вместе с мужем, а потом они пошли бы в библиотеку, за волшебством в тёмных фолиантах. Но это было письмо от Сая... Она поблагодарила служанку и, оставшись в спальне наедине с письмом, прислушалась к себе. Она должна была испытывать радость. Но радости не было. Может быть это потому, что мыслями Кеи сейчас владело нечто другое.

«Здравствуй любимая!

Как у тебя дела? У меня всё просто замечательно. Я думал, что еду в такую глушь, которой раньше не было и названия, и был в отчаянии. Но, как ни странно, оказался в прелестнейшем месте. Здесь замечательно, хотя и довольно холодно. Но на севере Аррании всегда так.

Ты, наверное, спросишь, что же здесь замечательного? Я отвечу – сюда не доходят загребушие руки лордов и прочих властей, вроде твоего дядюшки. Он сам послал меня сюда, наверное, в надежде контролировать. Но, увы, здесь его силы и закончились. Глава форта Галенхад, где я сейчас отбываю службу – добрый малый. Мы с Югеном сразу нашли общий язык. И ты, знаешь, ром на двоих – милое дело. Но тебе, наверное, читать об этом неинтересно.

Кея, дорогая, я очень скучаю по тебе. Надеюсь, тебя не обижает эта библиотечная крыса? Я от сестры Югена давече узнал, что ему отец как-то сватал её, но твой милый муженёк отказался. Представляешь, он сказал, что не испытывает к ней никаких чувств. Говорят, у них с отцом произошла тогда крупная ссора. Они и так никогда не ладили, а тут разругались совсем. Но и Юген и его сестра до сих пор считают, что он птица высокого полёта и её наследство оказалось слишком маленьким для него – племянника самого правящего лорда. Подумай, Кея – будто он к тебе что-то испытывает. Смешно. Ладно, мне пора бежать.

Остаюсь навеки твой. Саймон»

Первым порывом Кеи было смять и выбросить это письмо. Щёки нещадно горели, словно от стыда. Как же он мог? Грегор и библиотечная крыса? Но, Сай просто не знает. О, ему надо написать письмо и обязательно рассказать, что Грегор очень хороший друг, и что сплетни, которые ходят о нём – неправда. Подумав про сплетни, Кея вспомнила вторую часть письма и почувствовала, как сердце почему-то сильнее забилося в груди. Неужели Грегор женился сейчас, потому что... Нет, она никогда не сможет ему ничего рассказать и уж тем более спросить!

В дверь постучали. Сердце быстрее забилося в груди. Кея замерла на секунду, прижимая к себе письмо, а потом дрожащими руками спрятала его в ящик стола, на самое дно.

– Войдите! – Голос немного дрожал. Она знала, кто был там, за дверью.

– Доброе утро, Кея! – Грегор стоял в проёме двери и улыбался. – Я, собственно, не хотел входить, только спросить – идёшь ли ты в библиотеку?

– Не знаю... – Кея замаялась. В голове всё смешалось. Что с ней творится? Ей нужно сначала разобраться в себе. – Я не очень хорошо себя чувствую. Приду попозже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.